

**СЕРГЕЙ МАРКОВ
НАТАЛИЯ МАЙСТРЕНКО**

1001 Ж

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Марков

1001 Ж

«Автор»

2023

Марков С.

1001 Ж / С. Марков — «Автор», 2023

Когда пожилые аргентинские сеньоры говорят, что танго — это и есть жизнь, они не лукавят. И одного вечера хватит, чтобы прожить множество жизней. В начале нулевых ветер с южного полушария занес семена этой страстной южной культуры в холодную огромную Россию. Что случилось дальше, как приживался этот танец на нашей земле, как менял жизни тех, кто связал с ним свои судьбы, вы узнаете из этой книги.

© Марков С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Сквозь грозу	6
Чистилище	10
Adios, Buenos Aires!	17
Tres cinco amigos	29
Почем золото для народа?	48
Белая акация, дама в прострации	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Марков, Наталия Майстренко

1001 Ж

ВНИМАНИЕ!

В тексте содержатся упоминания таких социальных сетей, как Facebook и Instagram. Сделано это исключительно в иллюстративных целях, поскольку повествование идет о временах, предшествовавших признанию их по решению Роскомнадзора СМИ-иноагентами, а их головной организации – Транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. – экстремистской по решению Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 (дело № 2-2473/22).

Также в тексте содержатся упоминания танцев в со сменой ролей (например, рассказ *Sinco amigos*). Авторы просят не считать их проявлениями пропаганды нетрадиционных отношений ввиду следующего.

На родине танго, в Аргентине (хотя есть те, кто полагает, что танго родилось в Уругвае), в эпоху зарождения этого танца и многие годы спустя, демографическая картина была такова, что танцевать на милонге с женщиной считалось большой удачей.

Чтобы повысить свои шансы в конкурентной борьбе, мужчины были вынуждены оттачивать мастерство друг с другом. Такое положение вещей привело к бурному развитию танца с мужской стороны. Постоянно придумывались новые шаги и фигуры, у партнеров росло понимание того, каким образом взаимодействовать с человеком напротив тебя, чтобы быть понятым. Так рождался сам язык танца.

Воспоминания о тех временах, вместе с самим танго, докатились и до России. Одним из примеров таких рассказов можно назвать интервью легендарного танцора Carlos Gavito.

В нашей стране традиция смены ролей тоже получила определенное распространение, только чаще к этому приему прибегают девушки. Не в последнюю очередь потому, что их значительно больше, чем парней.

Таким образом, авторы этой книги, поставив перед собой цель проиллюстрировать жизнь людей, связавших себя с танго, не могли обойти вниманием и такой ее аспект. При этом мы постарались сделать это, по возможности, безоценочно.

Фотографий, использованные при подготовке обложки данной книги, любезно предоставлены специально для этой цели лицами, которые на них изображены, а также следующими фотохудожниками: Олег Зотин (https://vk.com/o_zotin), Ольга Аркадьева (https://vk.com/another_c_i_t_y), Анна Семенюк (<http://rusnapp.com/semeniouk/>) и доработаны авторами при помощи следующих инструментов: <https://www.easymoza.com/>, <https://anytools.pro>.

На этом, полагаем, с формальностями можно покончить, всем приятного чтения!

Сквозь грозу

Алиса сидела, плотно пристегнутая к креслу самолета, ее била мелкая дрожь. Холодные ладони, лежащие на коленях, распрямлялись и почти механически сжимались. Так раз за разом. Ощущения в подушечках пальцев, призванные успокоить внутреннего аэрофоба, уносили гомон голосов субличностей. В голове была настоящая демонстрация: кто-то молился, другие возмущались, третьи голосили. Поверх губы выступил пот. Алиса нервно облизнулась и поняла, что ужасно хочет пить. Мысль показалась спасением. От нее можно было бы прийти к спокойствию – маленькие, простые и посильные шаги, отвлечение от внутреннего потока эмоций. Тем не менее она сразу же уперлась в дилемму: интересно, а можно ли вызывать бортпроводника, если капитан объявлял снижение, попросив пассажиров и экипаж занять свои места? Но жажда и желание хоть что-то прояснить сделали свое дело. Алиса вскинула руку и нажала на кнопку в панели над головой.

Через минуту к ней подошла очаровательная шатенка. Вкрадчивый взгляд, спокойная манера говорить. Хорошо, что не пришла та нервическая, долговязая девица. Ох, как бы она была не вовремя.

– Чем я могу помочь? – участливо промолвила миниатюрная барышня.

Алиса вдохнула и, постаравшись вложить максимум спокойствия в свои слова, проговорила:

– Марина, у меня две просьбы. Не могли бы вы принести мне стакан воды. И можно как-то узнать, когда мы все-таки сядем (здесь голос предательски сорвался). Понимаете, просто у меня пересадка на следующий рейс, я очень переживаю, я не могу опоздать, – после такой длинной фразы пришлось сглотнуть и проморгаться.

Будем честны, Алиса была близка то ли к истерическому припадку, то ли к панической атаке. Мало того, что она аэрофоб, который все-таки решился преодолеть полмира, так на первом же перелете появляется риск не попасть на стыковочный рейс. А все потому, что погода над Франкфуртом начала стремительно портиться, о чем беззаботно сообщил командир корабля незадолго до снижения. Потом был полет вниз сквозь облака с турбулентными скачками, а теперь уже третий заход на посадку. Черт его знает, что у них там внизу, но еще кружок и она опоздает на свой рейс до Буэнос-Айреса.

Проводница ласково улыбнулась и сказала, что вернется через минутку.

Через пять минут и две вспышки молнии в иллюминаторе девушка пришла со стаканом воды. Пока Алиса пила максимально вдумчивыми глотками, Марина сообщала новости.

– Я запросила информацию по стыковочным рейсам. Вы у нас сегодня одна такая. Ваш самолет, по информации на данную минуту, вылетает без задержек, поэтому давайте мы поступим вот так, – пауза и чуть заговорщическая улыбка, – Сейчас вы возьмете свою ручную кладь, и мы пересадим вас в первый класс. Там как раз есть два места. Таким образом, вы окажетесь первой на выход из самолета, благо нас стыкуют к основному терминалу.

– Марина, вы моя спасительница, благодарю.

Первый класс. Алиса никогда не завидовала людям, сознательно вываливающим столько денег за более удобные кресла. На коротком перелете это увеличенное пространство не принципиально, а на дальней дистанции стоимость чаще всего становится просто-таки бесчеловечной. Хотя однажды она оказалась в передней части самолета, доплатив сущее копей: не успела поймать базовый билет Аэрофлота. Летела, кстати, тоже на танго. Юная пигалица по жизни и в танго, и вот они всей компанией – старшие ученики и педагоги – проходят в глубину салона, а Алиса, заболтавшись, только ряду на двадцатом заглядывает в билет и удивляется, что ее ряд – четвертый. Да быть того не может, подумала она тогда – дурацкая ошибка. Смушение

и недоумение. Но нет, и вот она как нерестовая рыбка прет сквозь течение к своему месту, о боже, в первом классе. Да, более широкие кресла, металлические приборы для еды и напитки в стекле – это, конечно, было приятно, но не так чтобы очень. Алиса вообще предпочитает поезда. Хотя вспомнила сейчас о том полете и поняла, что не отказалась бы от шампанского. И то не божьего шика ради, а исключительно для успокоения. Но, оказавшись на крайнем у прохода месте в первом ряду первого класса, Алиса не решилась заикнуться о волшебных пузырьках вслух. Единственное, на что еехватило – благодарно и робко улыбнуться.

Пытаясь отвлечься от ужасающей перспективы не успеть на следующий самолет, Алиса попробовала помедитировать, но тело не поддавалось на уговоры – дыхание застревало где-то наверху, а живот был каменным, словно неживым. Самолет сделал очередной крен. Чтобы беснующаяся вестибулярка не оглушила изнутри, девушка нервически, словно китайский болванчик, начала склонять голову поочередно то к одному, то к другому плечу. За бортом где-то совсем близко вспыхнуло, Алиса ойкнула, поджала губы и зажмурилась. Снова молнии в иллюминаторе, крены самолета и воздушные кочки-ямы. Дыша, как затравленный зверек, она оттянула тугую резинку для волос, которую на всякий случай носила на запястье. Удар, приходящийся по нежной внутренней поверхности руки, был болезненным и отрезвляющим. Крен самолета и сброс высоты. Она снова схватилась за резинку, щелкнула, оттянула ее сильнее и снова отпустила. В голове не было ничего, кроме звенящей пустоты, такое себе нигде и ничто.

Внезапно чья-то большая и теплая ладонь легла поверх запястья. Алиса распахнула глаза, недоуменно сосредоточилась на этой чужой руке. Холеная ладонь мужчины в возрасте, хитрый браслет, пиджак итальянского сукна. Это внезапное прикосновение вдруг выдернуло Алису из забытья, она снова ощутила себя привычной собой.

Забегая вперед, скажу – да, Алиса из тех женщин, что не боится ни Бога, ни черта, водя дружбу с обоими; ей не страшны ни мыши, ни лягушки, а пауков и змей она просто брезгливо недолюбливает. Единственное, что эта хорошенькая евреечка не подчинила себе – это боязнь полетов. Нет, технически она все понимает, но это не отменяет внутренней паники каждый раз на взлете-посадке-воздушной яме.

Это прикосновение словно перезагрузило все ее системы. Дыхание провалилось в живот, спина распрямилась, а уголок губ и одна бровь легонечко изогнулись. Праведное возмущение женщины, которую касаются так заботливо и спокойно, но совершенно внезапно. Да как он смеет?! Рокоча изнутри и не теряя вновь обретенной королевской стати, Алиса повернула голову.

– Эта турбулентность не стóит того...

Есть такие мужчины, которые обладают какой-то нездешней породой, они словно не из этого времени. Так и этот – высокий, мощный, и при этом по-дворянски красивый. В его сером взгляде одновременно были уверенность силы и мягкость.

Алиса посмотрела на ладонь, лежавшую на ее запястье, затем в глаза мужчины.

– Возможно, вы правы, – с достоинством ответила она.

Ее собеседник удовлетворенно улыбнулся и аккуратно снял с ее руки свою ладонь.

– Простите мне эту бестактность. Позвольте представиться, меня зовут Петр.

– Алиса, – ответила она и вложила свою ладонь в его. Рукопожатие показалось долгим. Алиса внезапно почувствовала, что щеки предательски розовеют.

– Мариночка, – негромко, но внятно обратился в пустоту Петр, и давешняя бортпроводница мгновенно материализовалась.

– Принесите нам с Алисой шампанского.

– Да, Петр Александрович.

«Боже, что за сюр?» – подумала Алиса. Может, они уже разбились и это такое посмертие? В это, кажется, проще поверить, чем в то, что против всех правил безопасности им принесли напитки.

Появилась Марина с двумя бокалами шампанского.

Алиса поблагодарила ее, приняв благородный бокал, и повернула голову к своему внезапному спутнику. В иллюминаторе снова вспыхнуло и очертило породистое лицо мужчины, делая его похожим на хищную птицу.

– Алиса, знаете, что мне напоминает такая погода?

Только сейчас она наконец прочувствовала его голос. Странная смесь чопорности литературного русского и совершенно неславянского интонирования. Откуда он такой взялся, что это вообще за персонаж?

Он не дождался ее встречного вопроса и продолжил:

– Танго. Этот танец столь же опасен на вид, но это иллюзия. Вы же едете в Буэнос-Айрес, чтобы танцевать?

А вот это уже ни в какие ворота. Да кто он, черт побери, такой? Удивление, возмущение, любопытство – вот что ощущала Алиса.

– Есть такое танго – «El Hucan», – на испанский манер раскатисто произнесла она, – очень похоже на этот шторм.

– Браво, Алиса, – усмехнулся Петр, – позвольте поднять этот бокал за вас и ваше путешествие.

Они чокнулись и пригубили напиток.

Алиса чувствовала, как нарастает смятение и любопытство: откуда этот человек так много знает? Но она одновременно хорошо понимала, что задавать вопрос в лоб или возмущаться не стоит.

Появилась бортпроводница, предупреждая, что бокалы лучше отдать: наконец-то разрешили посадку.

Петр поблагодарил и, возвращая бокал, произнес следующее:

– Марина, моя гостья очень спешит, поэтому будьте любезны проводить ее лично самым коротким путем к посадке на рейс.

– Конечно, Петр Александрович.

Воцарилась тишина. Алиса не выдержала. Повернулась к нему и мягко, но требовательно спросила:

– И все же, почему?

– Вы напомнили мне школьную подругу Софику, Алиса – что-то в вашем царском профиле, выдержке и очаровывающей нежности. Но это во-вторых. А во-первых, потому, что могу и хочу.

Видимо, на ее лицо отразилось что-то такое, что он засмеялся и продолжил.

– Да, вот сейчас очень похожи на мою Софику. Поверьте, я делаю это просто так. Никаких скрытых мотивов или грязных предложений не последует. Несмотря на вашу боязнь полетов, я даже остерегусь предлагать свою руку. Но, если позволите, я бы хотел послушать про танго и Аргентину, пока мы садимся. Расскажите мне про музыку, которая волновала вас в последнее время.

Следующие пятнадцать минут говорила Алиса. Сначала преодолевая легкую робость и странность ситуации, но далее распадаясь все более. Петр слушал, лишь изредка задавал вопросы, улыбался и смотрел на нее так, что от чего-то Алиса поняла – та мистическая Софика давно умерла, а этот мужчина если о чем и сожалеет, так только об этом.

Когда они пришвартовались к рукаву и рядом с креслом возникла Марина, надо было что-то сказать на прощанье. Но все слова выходили глупыми. Тогда Алиса спросила:

– Могу ли я вас обнять?

– Поберегите мое сердце и свое время – поспешите, посадка на стыковочный рейс должна закончиться через десять минут, а еще придется прилично пробежаться.

Делать очаровательные глупости и поступать немного наперекор всегда было в характере Алисы. Она подалась корпусом вперед, прижалась к его щеке своей и выдохнула: «Спасибо». После чего молниеносно, не оборачиваясь, метнулась за стюардессой.

Что было дальше, она не особо запомнила, еле поспевая за Мариной. В нормальном состоянии любопытной Алисе было бы очень интересно изучить эти невидимые обычным пассажирам внутренние ходы для персонала. Но времени не было, оно безжалостно утекало. Благо заклинанием «по личной просьбе Петра Александровича» из уст Марины можно было, кажется, пройти даже сквозь стены.

У не приметной двери Марина остановилась и показала рукой:

– Вам сюда, поспешите, две минуты до закрытия. Гейт восемнадцать, он по правую руку, запомните.

– Марина, вы сокровище, спасибо.

– Это все Петр Александрович. Ну, бегите! – и распахнула дверь.

После относительной тишины и легкого полумрака внутренних коридоров шум и свет зала ожидания ослепили девушку. Но времени тупить и отмаргиваться не было. Алиса рванула вперед. Гейт семнадцать остался позади. Подозрительная тишина у восемнадцатого выхода. Черт, неужели опоздала? И только подлетев вплотную к монитору над дверями, она увидела надпись: «Рейс Франкфурт – Буэнос-Айрес задерживается на час».

Небо над стеклянным фасадом вспыхнуло молнией.

Алиса запрокинула голову и витиевато выматерилась в потолок, а потом нервно захохотала, закрыв ладонями лицо.

Чистилище

Женя сидел в просторном зале франкфуртского аэропорта и предавался самоедству. Благо окружающая обстановка этому очень способствовала. Поместите человека в аквариум с такими же, как он, застрявшими на перепутье, добавьте задержку рейса на неопределенный срок, севший мобильник, занятые розетки – и вот он, рецепт духовного роста неврастеника, готовящегося разменять пятый десяток.

«Шакал я паршивый, – мысленно начал Женя с киношного штампа, – Юлька с пузом дома мучается, а я в Аргентину укатил на пляски. И пускай она сама путевку подарила. Ну и что? Мог ведь отказаться? Мог. Но не хватило воли. И теперь вот мироздание красноречиво сигнализирует об ошибке – за окном, похоже, Вселенский потоп намечается».

Погода и в самом деле угрожала надолго задержать вылет: небо заволочило мрачными тучами, которые то и дело прорезали сверкающие сетки-молнии, по взлетной полосе, словно перекасти-поле в дешевом вестерне, носился мусор.

«Не иначе кто-то наверху напоминает, что нельзя буквально воспринимать все, что говорит женщина», – подумал Женя.

Но войти в его положение все-таки можно: человек уже пятнадцать лет мечтал побывать на аргентинских милонгах, но все как-то не складывалось. Копил деньги, читал форумы, ходил на уроки по танго и практики и вдруг остался без работы на полгода. То есть не совсем без работы – удавалось кое-что подхалтурить по мелочи, но запас прочности начинающего тогда еще архитектора быстро иссяк. Еще немного, и не то что на Аргентину, на хлеб перестало бы хватать.

Ладно, ту ситуацию проехали. Устроился в нормальное место, раздал долги, снова вышел в плюс, начал копить. Уже почти собрал необходимую сумму, и тут случилась в его жизни Юля. Яркая, жизнерадостная, глаза синющие, волосы цвета спелой пшеницы, ямочки на щеках, а главное, этот смех. В общем, не было шансов у Жениной заначки. Кино, рестораны, айфон и отдых на Тенерифе. Оно, может, и необязательно все было. По крайней мере, Юля ничего не просила, но таким девушкам и просить не нужно, любой мужчина сам все отдаст. Вот и Жене искренне хотелось подарить все самое лучшее. Апофеозом этого яблочно-заграничного периода стала свадьба. После нее молодая семья еще долго считала каждую копейку.

Это событие пережили. Прошла пара лет, и давняя мечта снова скромно помахала из-за угла ручкой.

Правда, теперь дорога к ней вышла на новый уровень сложности. Если ты одинокий голодранец без особых амбиций, то можешь запивать кефиром подмосковный батон и все заработанные деньги перечислять в фонд несбывшихся надежд. Но молодому парню, на чью жену хищно облизывается всякий половозрелый мужик, трудно избежать все тех же театров, гостей, ресторанов и роллов с доставкой. И это не говоря уже о том, что милонги с последующими такси, частные уроки и марафоны, пусть и намного реже, но все еще случались в его жизни.

Женя крутился как мог. Добился повышения, брал халтурку по мере сил, даже голову обрил, чтобы не терять ежемесячно пару тысяч в барбершопе.

Ну и срослось: спустя упомянутую пару лет после свадьбы банковское приложение в его стареньком смартфоне сообщило, что можно уже и полететь. Если в одиночку.

Но перспектива оставить Юлю и отправиться на поиски объятий латиноамериканок опять повысила градус напряжения. То тут, то там на пути символического Супер-Марио вставали незапланированный поход к стоматологу, помощь Юлиной маме с ремонтом, увеличение аренды за съемную квартиру, падение курса рубля, болтающегося на одних качелях с ценами.

Он греб изо всех сил, но мечта снова начала отдаляться.

Когда ему исполнилось тридцать семь, супруга ошарашила его сразу двумя подарками. Один из них был упакован в конверт, а второй – в саму Юлю.

– Жень, а Жень, – проворковала она отвратительно промозглым серыми и депрессивным питерским утром, – я знаю, что ты очень давно хочешь в Аргентину... В общем, мы тут с мамами тебе подарок подготовили. Я, к сожалению, не смогу полететь с тобой. Но тут ты сам виноват.

Последние слова, она проиллюстрировала, оголив слегка округлившийся живот.

От избытка чувств Женя застыл с неприлично глупым выражением лица. Это же надо было проморгать беременность жены! Но он едет в Аргентину! Но один...

Юля поняла его заторможенную реакцию по-своему.

– Ты не рад? – спросила она обеспокоенно.

– Я... Очень рад... Просто все очень неожиданно... – промямлил он, с трудом подбирая слова.

– А чего же еще ты ожидал от наших шалостей под одеялом? – немного скованно пошутила Юля.

– Уж точно не билета в Байрес. Видать, я был хорош, – нервно усмехнулся Женя.

– Ты же вернешься? – резко озадачила супруга, пока он не успел подготовить подходящую легенду.

– Обязательно! – отрапортовал Женя, словно гвардеец перед главнокомандующим.

И вот он здесь, во Франкфурте-на-Майне. Почти сорокалетний лысый мужик в линялых джинсах и синей толстовке сидит на вылизанном до блеска полу, прислонившись спиной к стене, рассеянно наблюдает за группой индусов в пестрых национальных одеждах и катает в голове пасмурные, под стать погоде, мысли.

Из этого эмоционального болота его выдернула громкая матерная тирада на родном языке.

Автором жемчужного ожерелья, соединенного нитью сочных междометий, была кудрявая девица семитского типа лет около тридцати.

Лицо ее показалось Жене смутно знакомым, но где и при каких обстоятельствах они могли видеться, он так и не вспомнил.

Выругавшись, она рассмеялась, затем выпалила еще пару непечатных фраз и вроде бы почти успокоилась. Во всяком случае, замерла с печатью какой-то мысли на лице перед электронным табло с информацией о рейсах.

Женя приготовился продолжить ковырять разум перочинным ножичком, когда у нее зазвонил телефон.

Она небрежно выхватила трубку, прислонила к уху и принялась что-то бойко вещать на английском.

Женя снова начал терять к ней интерес, но вдруг в потоке бормотания с резкими скачками тональности и часто прорывающимся хохотом он узнал знакомые слова «милонга» и «Cachirulo».

«Из наших, стало быть... – оживился Женя, – Тогда действительно могли где-то пересекаться».

Он предпринял еще одну попытку занырнуть с фонариком в омут памяти, но тщетно – за пятнадцать лет в танго столько лиц встретилось, что всех не упомнишь.

Пока он вспоминал, девица снова выругалась. На этот раз даже запрокинула голову и закатила глаза. Что же могло огорчить ее, помимо задержки рейса до Буэнос-Айреса на неопределенный срок?

Разумеется, разрядившийся посреди разговора мобильник.

Она принялась заполошно обшаривать глазами зал в поисках розетки, но все они, как и следовало ожидать, были заняты. Современному человеку они, что родник в пустыне. Навер-

ное, если стихия продержит весь собравшийся в зале люд еще немного, начнутся розеточные войны.

«И тогда даже семейство индусов в сари не стоит сбрасывать со счетов, – ухмыльнулся своим мыслям Женя, – Это сейчас они так мирно выглядят – нашли одну на восьмерых свободную шахту. Но попробуйте оттеснить их от нее и узнаете гнев Шивы».

Девушка между тем перемещалась по залу от одной точки к другой и всюду встречала мягкое сопротивление. Граждане всех стран мира от Китая до Парагвая одинаково убедительно делали вид, что не понимали, о чем говорит эта припадочная.

Женя заколебался на пару секунд, нутром чуя, что может пожалеть о своем поступке, но все же сложил руки домиком и, стараясь пробиться сквозь монотонный гул человеческого улья, прокричал.

– Девушка! Да, Вы. Вам розетка нужна? Я могу уступить, ненадолго.

В нормальной жизни Алиса почти не материлась, предпочитая стеб и ядовитую иронию. Этому искусству обучила ее ныне покойная бабушка Марианна, кандидат наук, почетный музейный работник, специалист по культуре и истории Латинской Америки и переводчик.

Та считала, что воспитание, образование и стиль должны быть во всем, и проявляться это должно, даже если тебе надо подколоть человека. А вот мату юную Алису, тихую когда-то девочку, не сознавая того, обучил преподаватель русского языка. Это сейчас курс на толерантность и гуманизм. А Бронислав Вениаминович был учителем старой закалки. Поставить минус два за диктант – легко, унижить прилюдно на глазах класса, пройдясь по внешнему виду, умственным способностям и даже манере сидеть за партой – как нефиг делать. Алису аж передернуло от воспоминаний. Сейчас такого учителя сначала сделали бы звездой тиктока, а потом показательно «вздернули», несмотря на все заслуги по части педагогики. Его знаменитое, чуть картавое «что вы развалились на стуле, как на унитазе» помнили все ученики, даже те, кто не учился в его классе.

Алисе повезло. Бабушка посадила внученьку за пианино в четыре года и вообще всегда следила, чтобы та сидела ровно. С родным языком было сложно, зато выпустившись с твердой «четверкой» по русскому из школы, Алиса с удивлением узнала, что знает язык на уровне хорошего корректора. Этим и подрабатывала иногда. В общем, Алиса хорошо усвоила не только классический русский, но и обценную лексику. Матерное слово, оно же лекарственное – и тревогу сублимирует, и процесс ускоряет.

Так что материлась Алиса, пока не вычистила из головы все эмоции от перелета, погоды, боязни опоздать, необходимости нестись, как сумасшедшей.

Правда, в запале она не сразу вспомнила, что, во-первых, орать при людях невежливо, а во-вторых, тут могут быть соотечественники, в том числе с детьми. От собственной сознательности ей стало смешно. И все же она еще разок тихонько матернулась напоследок.

Ладно, самолет без нее не улетел, и то хорошо. Правда, судя по погоде за окном, оптимистичное «рейс задержан на час из-за погодных условий» – это привет европейской тактичности и стремлению авиакомпании не огрести цунами возмущения от пассажиров.

Алиса начала изучать табло, чтобы понять, насколько все плачевно. Ничего обнадеживающего перечень рейсов не сообщал. Порядка тридцати бортов застряли из-за погоды. Значит, сидеть им тут всем явно не час. Снова в самолет вот прямо сейчас точно не хотелось, тем более что лететь предстояло четырнадцать часов. Но и сидеть в аэропорту тоже такое себе удовольствие. Главное, чтобы здесь все еще были курилки, подумала Алиса. Эта вредная привычка тоже досталась от бабушки, как и ряд других. «Ох, буся, знала бы ты, куда заведет внучку твоя любовь к Латинской Америке», – тихо проговорила Алиса.

Зазвонил телефон. Вот и они, дружочки. Это была подруга детства Маргарита. Она уже лет десять как переехала сначала в Европу, переводить что-то в ООН, а потом увлеклась танго

и отчалила в Байрес. Сейчас Маргарита была главным связным по части танго в городе Добрых Ветров. А еще радушной хозяйкой для тех приятелей и подруг, кто выезжал потанцевать. Господи, как Алиса будет рада обнять подругу спустя столько лет! Она ощутила, насколько успела соскучиться за эти годы. Они же не виделись года три, кажется, с того момента, как Марго укатила из Европы. Алиса обещалась доехать и все что-то никак.

Алиса улыбнулась и сняла трубку. Но в трубке по-английски зазвучал мужской голос с приятным итальянским интонированием. Мануэль, конечно. Парень, хотя правильнее сказать «гражданский муж», был итальянцем с русско-еврейскими корнями. Красивый и галантно обворожительный, он любил Марго, так что автоматически брал ее закадычных подружек, друзей и родственников под свою опеку – так сказать, включал в семью. Вот и теперь он, как итальяно-еврейская матушка, чирикал, что «ай, как нехорошо, Али, твой рейс должен был приземлиться час назад, а от тебя ни слова. Смотрю онлайн-табло, у вас там все задерживается. Девочка моя, как ты? Поешь, пожалуйста, пока пересадка. И не переживай, мы тебя все равно обязательно встретим».

Алиса, похихикивая от его заботы, вкратце рассказала всю историю. Попутно узнала, почему Мануэль звонит с номера Маргариты.

Оказалось, накануне после милонги решил сэкономить на такси и пройти пешком. Ну и пришлось оставить телефон вместе с какой-то наличностью местным джентльменам удачи.

Похохотали про суровые столичные нравы.

Мануэль, конечно, неунывающий южанин. От таких очень тепло всегда. Перешли к важному: как и когда ребята смогут перехватить Алису в аэропорту по прилету.

И тут телефон ойкнул и выключился.

Алиса выругалась и послала гневный взгляд в потолок. Да что ж ты будешь делать-то? Что за денек?

Вот где теперь искать зарядку? Оглянулась по сторонам – чего и следовало ожидать. Зал ожидания напоминал консервную банку рижских шпрот. Индийское семейство и извечные азиаты, облепившие портативную станцию зарядки, любезно предоставленную какой-то местной телекоммуникационной компанией, европейские клерки все сплошь с пауэрбанками. «Черт, вот что я забыла», – подумала Алиса, – ведь крутилось в голове». Дело дрянь. Планировщики аэропортов вряд ли предусмотрели розетки под каждого пассажира.

Ну да бойкая девица нигде не пропадет. И Алиса двинулась на поиски человека, которого можно было бы оттеснить на время от возжеленной розетки. Она была обаятельна, обходительна, но увы. Все люди, видимо, решили зарядиться впрок, если такое возможно. Кто-то был грубоват в отказе – вероятно, сказывались непогода, волнение от задержанного рейса, кто-то делал вид, что не понимает вопроса, кто-то был деликатен и мил, но непреклонен – мол, извините, но мы только сами до розетки добрались.

Отчего-то Алисе стало крайне обидно. Нет, она, конечно, подождет, найдет чем себя занять, но все же.

Из грустной задумчивости ее вывела русская речь, явно обращенная к ней: «Девушка! Да, вы. Вам розетка нужна? Я могу уступить, ненадолго».

Сквозь толпу к Алисе, смущенно улыбаясь, протискивался мужчина. Почему-то Алиса почувствовала, как к щекам приливает румянец. Второй раз за день внезапно появлялся рыцарь-спаситель. Раз – случайность, дважды – совпадение. Но сейчас о кармических намеках думать было недосуг.

Спаситель, наконец, пробрался сквозь толпу и предстал перед Алисой во всей красе: высокий, мощный мужчина. Глаза серые, голова обрита налысо, но, судя по бровям, мужчина когда-то был русой масти.

Вот именно глаза, вернее, манера смотреть смутила обычно решительную Алису.

Покраснев еще на пару полутонов, девушка все-таки выдавила:

– Да. Спасибо огромное, вы очень меня выручите, честно говоря.

– Ну, пойдёмте вас спасать, – добродушно улыбнувшись, ответил мужчина и начал искусно лавировать в толпе.

Алиса выдохнула, приложила прохладные пальцы к пылающим щекам и пошла следом. На ходу она размышляла над внезапностью своей реакции.

Широкая спина спасителя рассекала толпу. От него веяло какой-то устойчивостью и уверенностью. Есть такой тип «мужчина-медведь»: сила, добродушие, принципиальность и врожденное умение заботиться о тех, кто «меньше». Из таких выходят очень чуткие партнеры, подумала Алиса. И сразу посмотрела на него с этой перспективы. Рост хоть куда – где-то метр восемьдесят пять, походка уверенная, не сутулится, двигается мягко, может, в прошлом спортом занимался, судя по неплохой фигуре, на вид ему было что-то около сорока. Правда, джинсы эти простенькие и толстовка. Но в костюме он бы точно смотрелся хорошо.

Алису всегда развлекало придумывать истории жизни людям, которых она видит впервые. Этой игрой на воображение ее в долгих поездках развлекал дед Семен. Со временем и опытом точность предсказаний выросла, и этот странный навык «видеть сквозь движение» пригодился и в танго. Сколько она повидала мерзких типчиков с идеальной техникой на танцполе. Но взглянешь на то, как бокал держит, как на других смотрит, как сидит, как взаимодействует, общается, и становится понятно, стоит ли кабесейть¹ или не обменивать свое время на отточенные, но бессмысленные движения и пустые объятия.

В этих мыслях Алиса чуть не врезалась в мужскую спину.

– Ну вот мы и пришли. Простите, присесть здесь совершенно не на что, но розетка рабочая.

«Боже», – подумала Алиса, – «Он еще и извиняется, вот ведь интеллигенция. Питерец, наверное».

– Что вы, все отлично. Я же не про посидеть интересовалась.

И усмехнулась. Главное, чтобы он ей сейчас не начал задвигать о возможности отморозить почки от сидения на холодном полу.

– Я подготовленная, – добавила Алиса и стала доставать из рюкзака зарядку, куртку, подложить под попу, и книжку, чтобы как-то скоротать время.

На какое-то время она углубилась в испаноязычное издание «Белого сердца» Хавьера Мариаса и старательно делала вид, что читает, но Женя нутром чуял, что долго это не продлится – слишком уж бойкая барышня.

Не прошло и получаса, как она начала говорить. Сперва это было больше похоже на монолог.

– Не знаю, что бы я без Вас делала. Телефон сел, а там меня уже ждут. Понятия не имею, как теперь с ними встретиться. Как по-Вашему, мы надолго застряли в этом лимбе? Надеюсь, что нет. Скорей бы уже распогодилось...

Жене казалось, что ответ девушке и не требуется, можно просто молчать и кивать участливо, но мысль о том, что ее лицо ему смутно знакомо, была сродни занозе.

– Да, небо не обещает нам легкой жизни... – протянул он, – Меня, кстати, Евгений зовут... Но можно просто Женя. Не сочтите за пошлость, но, мне кажется, мы могли где-то видаться. До меня тут донеслись знакомые слова, пока Ваш телефон еще не отключился... Вы часом танго не занимаетесь?

Услышав эти слова, девушка импульсивно повернула голову в его сторону.

– Да быть того не может! – изумилась она, – Серьезно? А вы, наверное, еще и в Байрес летите?

– Летим, – скромно улыбнулся Женя, – так как мне к Вам обращаться?

¹ Приглашать взглядом – один из важных ритуалов, составляющих правила (кодингос) аргентинского социального танго.

– Алиса, – ошарашенно произнесла девушка и протянула ладонь с длинными красивыми пальцами.

– Очень приятно, – бережно отозвался на рукопожатие Женья, – Вы не против перейти на «ты»?

По лицу Алисы на краткий миг пронеслась волна раздражения – похоже, ее бесили церемонии. Тем не менее она смолчала.

Наверняка решила не ссориться с обладателем розетки, ухмыльнулся про себя Женья.

– Учиться? Плясать? Или еще какие планы? – он постарался придать голосу неформальный тон.

– Всего понемногу, – хмыкнула Алиса, – Давно уже собиралась подругу навестить. Возможность наконец-то представилась, и я полетела. Хотя до ужаса боюсь полетов, можешь себе представить?

– Так выпить надо было, – улыбнулся Женья.

– Так я выпила в полете. И перед ним тоже немного. Помогло, но ненадолго – трясло так, что все выветрилось на нервной почве.

– Понимаю. Меня тоже потрясло. Но дело того стоит.

– Ну да, ну да... – пробормотала Алиса неопределенно.

Похоже, разговор начал ее тяготить, а Женья так и не успел подобраться к разгадке своего внезапного гештальта.

– А ты откуда?

– Из Москвы. А ты?

– Из Питера.

– Здорово. Девчонки много хорошего про вашу «Касу»² рассказывали, но я сама пока только в «Квартале» и «Мансарде» была, может, там?

– «Каса». Исключительно «Каса». По крайней мере, в последние лет пять...

– А у тебя в Байресе какие планы? – спросила Алиса.

– Да никаких, если честно. Ясное дело, что потанцевать на милонгах мне особо не светит, а значит, еду посмотреть, поучиться немножко. Пятнадцать лет в танго и ни разу не побывать в Мекке – это как-то совсем моветон.

– Пятнадцать?! – оживилась Алиса.

– Ну да, – сдержанно ответил Женья.

– И ни разу?!

– Ну да.

– Вот это да...

– Что есть, то есть. В общем, это был долгий путь к мечте, так что небольшая задержка в аэропорту – мелочи жизни.

– Да уж, – усмехнулась Алиса – Ну, хорошо, а как насчет Москвы? «Вамос»? «Планетанго»? «Рандеву»? Калашный³?

– Я редко у вас бываю, меня и дома неплохо кормят...

– А в Европе? Белград? Сиракузы? Лодзь? Ситжес⁴?

И вот тут, наконец, в голове пронеслась вспышка узнавания. Ситжес, ну конечно! Но сколько лет прошло!

– Ситжес! Шестнадцатый или семнадцатый? – выпалил он.

– Офигеть!!! Семнадцатый!!! Это дело надо обмыть!

² Старейшая школа танцев в Санкт-Петербурге и, скорее всего, самая старая милонга (вечеринка, где танцуют аргентинское танго) в России.

³ Известные милонги Москвы.

⁴ Города, в которых проходят крупные международные фестивали и марафоны танго. Фестивали предполагают возможность обучения, а марафоны – это повод протанцевать все выходные почти без перерыва на сон.

- А есть чо?
- Нет...
- И у меня...
- Так я сгоняю? Ты ведь не сбежишь? У нас стратегическая точка, ее нельзя оставлять.
- Это какая?
- Розетка!
- А, ну да...
- Тебе что взять?
- Вино белое или брют полусухой. Мы же празднуем.
- Окей, я мухой.

Обрадовавшийся удачному распутыванию мысленного узла Женя ушел по направлению к аэропортовым кафешкам. Алиса тем временем впала в несвойственную себе задумчивость. В этом непривычном состоянии ей пришла на ум история, которую поведала ей Марго накануне поездки.

Adios, Buenos Aires!

Сашу уволили. Опять. Произошло это ужасающе буднично. В родной России признаки надвигающейся грозы наверняка были бы видны издалека. Эдакие грозовые тучи в виде загадочного шепота коллег или частых вызовов к начальству. Да чего там, многие управленцы и вовсе не стесняются выразить неудовольствие твоей персоной в грубой и оскорбительной форме. Зато честно. И ты либо кидаешься в ножи, что не пристало делать уважающей себя прогрессивной женщине за тридцать, либо начинаешь изучать рынок в поисках новой кормушки.

Но рафинированный бургер, которого не скроешь за хипстовой бородкой и татухами, просто поставил ее перед фактом. Мол, бизнес и ничего личного, детка. Успехов тебе в дальнейшей карьере и вот это все.

Эта пресная постановка с Сашиним участием разыгрывалась уже в третий раз.

«У, сраные немцы! – кипела Саша внутренне. – Влепить бы тебе по роже поганой!»

А сама делала понимающее лицо. Улыбаемся и машем, парни, улыбаемся и машем.

Хорошо еще в этот раз она успела нагулять жирок. Финансовый, разумеется. Как и все «прогрессивные девушки за тридцать», Саша время от времени занималась то йогой, то фитнесом, питалась то бургерами, то семенами чиа и киноа и потому выглядела весьма сбалансированно. Не сушеная вобла, но и не кусок шпика. Так вот, в эмиграции ей удалось не только прикупить студию на задворках Москвы, но и создать подушку безопасности, куда она сейчас и плюхнулась после толчка под зад от теперь уже бывшего босса.

Благодаря этому она могла себе позволить не метаться истерично в поисках работы, как это незамедлительно сделали бы ее оставшиеся в родном болоте подруги. Эти квакши, конечно, бились бы уже в истерике: ах, как же теперь жить, да я не нужна никому, и тому подобная ересь.

Как и большинство подруг, Саша так и не нашла себе принца в белом кабриолете, но в отличие от них чувствовала себя вполне уверенно в этом суровом и беспощадном мире.

Прежде всего, она представитель востребованной пока еще профессии: тестирует приложения для мобильных платформ. Яблоки и зеленые роботы. С таким набором навыков уже можно чувствовать себя относительно спокойно в плане финансов даже в России. Но Саша – самое настоящее дитя своего времени, человек мира. По-английски говорит свободно. Правда, этим сейчас никого не удивить – этот навык уже почти повсеместно идет в стартовом пакете к человеку. У Саши есть много дополнительных лингвистических опций. Немецкий, польский, французский, итальянский. Ну, и, конечно же, испанский, наследие давней страсти – аргентинского танго.

Испанский она учила самым эффективным способом – с помощью носителей культуры. Благо аргентинская культура была до невозможности плодovита на подходящих носителях. На милонгах Города Добрых Ветров, или как его там на местном, ей, эффектной блондинке с широкими скулами, зелеными глазами и полными губами, приходилось буквально отбиваться от местных Хосе, Хавьеров, Маркосов и иже с ними, как от мух.

Удивительная все-таки метаморфоза для российской тангеры... Дома ты или товар на прилавке, или львица в засаде. Причем львиц по той саванне гуляет куда больше, чем буйволов. Да что там буйволы! Кабанчиком бы разжиться! Но за них конкуренция еще похлеще. Война на чужой территории. Налетят гиены, присядут кабанчику на коленки и давай ржать и сопеть томно в ухо. Для львицы – слишком дешево и унижительно. Буйвола так не завалить. Но бородавочники ведутся, и гордой охотнице раз за разом остается лишь хлебать винишко с подругами по прайду.

Свою первую поездку в Буэнос-Айрес, он же БА, он же Байрес, Саша запомнила как путешествие в зазеркалье. Ее внешность и в Москве позволяла выделиться из толпы. Даже из толпы красавиц. Среди одинаково штампованных кукол она всегда была, что называется, авторской работой. Но в Латинской Америке, среди смуглых толстушек (ну и не только), Саша была прямо-таки богиней. Нет, встречались и среди местных достойные красавицы, да и поток паломниц к святым местам типа Caning, El Beso или La Viruta⁵ вряд ли иссякнет, пока живо ЭВТ⁶, но все они тонули в море тестостерона, испускаемого черноглазыми брюнетами.

И вот она уже не просто Саша. Она Алехандра. Это уже звучит почти божественно. Ну или, по крайней мере, державно. Теперь она не охотница, а объект охоты, не товар, а богатый и придиричивый потребитель. И неважно, что танцует она, откровенно говоря, средне. Не плохо, но и не безупречно.

Критерии Сашиного отбора развернулись на сто восемьдесят градусов: если раньше конкурс могла пройти любая относительно вменяемая мужская особь, не смердящая потом, то теперь она даже не смотрела в сторону тех, кто не носил пиджака и не пользовался парфюмом. Исключение делала только ради знаменитых аргентинских пенсионеров со стажем вождения женщин по танцполу тридцать лет и более. Танцевать с ними считалось хорошим тоном среди знающих милонгер⁷, и Саша обычно благосклонно соглашалась на танду с каким-нибудь похожим на таксиста пузатым усачом или тем более ископаемым свидетелем живого Osvaldo Pugliese⁸.

В остальном ее выбор такой: либо мускулистый мачо, словно из киноленты об итальянской мафии, либо романтический юноша худощавой конституции с томными карими глазами. Первые нравились ей ощущением скрытой угрозы. Эдакие тигры, которых очень хочется приручить. Вторые тоже походили на кошачьих, но поменьше. Их хотелось приласкать.

Очевидно, что подобные экземпляры обитают и в старушке-Европе, но все-таки не в таких количествах. Именно поэтому, переступив черту, обозначающую на карте времени возраст Христа, и в очередной раз получив от жизни болезненный пинок, Саша решила, что чувства собственного достоинства ей маловато. Нужно чувство собственного превосходства. И взяла билет в Аргентину.

Не за полгода, как раньше, без дурацких многочасовых ночных бдений на пересадках. В город черных и преимущественно бедных мужчин едет белая и состоятельная госпожа.

Неподготовленного европейского туриста легко может шокировать хаос латиноамериканской жизни, но Саша в Буэнос-Айрес прибыла уже в пятый раз. Она бегло лепетала на жекающем испанском, знала, где менять деньги и в каких районах не стоит бродить ночью. В общем, она была тут если не как дома, то в гостях у старого приятеля. Правила чужой берлоги знала и читала.

Повинуясь нахлынувшему на нее барскому настрою, Саша, вопреки обычаям предыдущих поездок, не стала метаться по всем известным урокам и милонгам и вверила судьбу путешествия тем самым добрым ветрам.

Они плавно доставили ее в приличный отель в районе Палермо, подождали, пока она примет душ и также ласково понесли в ближайшее кафе.

Несмотря на адский джетлаг, с годами дававшийся Саше все труднее, ощущала она себя тополиным пухом в свете яркого южноамериканского солнца. Тепло и покой затопили тело и разум. Что и говорить, решение приехать сюда было верным. Всеобщее состояние «*Manana-tranquilo-росо-росо*» целиком захватило ее.

⁵ Знаменитые милонги в Буэнос-Айресе.

⁶ Это Ваше Танго. Сленговое сокращение, распространенное в сети.

⁷ Милонгера – посетительница милонг. В данном контексте – опытная танцовщица.

⁸ Руководитель одного из самых известных и почитаемых в Аргентине танго-оркестров. Информацию о нем нетрудно найти в сети, авторы лишь упомянут годы его жизни: 1905–1995.

Во времена своих первых вылазок в Аргентину Саша бежала на милонгу, едва очутившись в городе. Она долго и тщательно готовилась к этим «балам» и с головой ныряла в пучину аргентинских страстей. Теперь ей было лень.

Первый день она не спеша прогулялась по городу и пораньше легла спать. На второй день тоже гуляла.

А танго следовало за ней тенью, шуршало, шептало из радиоприемников, Bluetooth-колонок уличных попрошаек, плясавших за копейки для туристов. Танго было в сигналах клаксонов таксистов, костюмах и шляпах мужчин, каких уже почти не встретишь в Европе. Даже булочные напоминали о милонгах и манили запахом свежих медиалунас – местных рогаликов. Ничего необычного, если вдуматься, они из себя не представляют. Но когда ты всю ночь кочуешь с милонги на милонгу и по традиции к трем часам приплываешь в La Viruta с ее непередаваемой атмосферой, пляшешь снова, неизвестно откуда добыв заначку сил, в изнеможении падаешь за столтик, и тут тебе приносят это свежее и ароматное чудо... В общем, есть тут какой-то свой неповторимый шарм.

Вечером второго дня Саша приняла ванну и, обмотав голову полотенцем, медитативно выбирала платье с туфлями. Она словно видела эти вещи не глазами, а сердцем. Выбирала не цвет и фасон, а энергетику. Или ауру, если угодно.

Вот у этого синего с узором платья такая же синяя, сдержанная аура. В нем можно сходить на разведку, присмотреться, принюхаться. Потанцевать точечно, без фанатизма. Красное платье означало бы отчаяние. Эдакий крик души: да, я уже немолода, но я тоже хочу танцевать! Ну, хоть кто-нибудь... Бр-р-р! Хорошо, что у Саши нет красного платья. Его время еще не пришло. Впрочем, Саша не была уверена, что она все еще будет ходить по милонгам, когда такой момент настанет. Но кто знает...

Страхнула тоскливые мысли и взглянула на коротенькое черное платье – униформу диверсантки. Это облачение танго-синоби. Идеальный наряд для операций по ловле особо ценной добычи. Правда, работает она, только если ты молода, стройна и хороша собой.

Саша внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Мимические морщины легко спрятать, к тому же в местах типа той же La Viruta лица особо и не видно. Темно там, как на школьном дискотеке. Ноги у Саши такие же стройные, как и в восемнадцать – если где и отложился жирок, то на них это не сказалось.

Вопрос с туфлями быстро разрешился сам собой: из пяти привезенных с собой пар к черному платью подходили одни – серебристые «Madame Pivot».

Саша знала, что местные пигалицы красятся довольно вульгарно, чтоб за версту было видно, но идти на поводу у толпы и косплеить стриптизершу не стала – это пошло. Обилие штукатурки старит, а ей это ни к чему. Юной особе важно показать самцам, что она уже достигла возраста согласия, у нее же цель скорее обратная. Ее боевой образ – кавальная блонди. Именно он подарил ей массу незабываемых моментов как на милонгах, так и за их пределами.

По результатам техосмотра в зеркале Саша пришла к выводу, что в этот образ она, как и в школьные джинсы, все еще влезает. И настроение сразу заискрилось бенгальским огоньком.

Правда, пока она мылась и вертелась перед зеркалом, на часах мобильного появилась цифра двадцать три. Ехать в Cachigulo уже поздновато, лучше уже сразу в «Вируту». Все дороги все равно ведут туда.

Намарафетилась и в путь.

Желтое такси, улыбочивый дядька-водитель.

– В первый раз в БА? – спросил на ломаном английском.

– В пятый! – бойко отрапортовала она по-испански.

– Ого! – удивился таксист. – Да ты почти местная!

– Можно и так сказать, – улыбнулась Саша.

– А зачем приехала?

– Не знаю, если честно. Раньше всегда приезжала танго танцевать, а теперь просто захотелось.

– Танго? – удивился таксист, – Это ж для стариков, вроде меня. Молодежь танцует сальсу или кумбию.

– Так получилось, – пожала плечами Саша.

Она и сама теперь не знала, почему из всего многообразия способов сублимации горизонтального желания выбрала именно этот. Говорить напыщенные и затасканные фразы про то, что танго само ее выбрало, она не стала.

Остаток поездки водитель был молчалив. Лишь изредка ругал на люмфардо⁹ вполголоса коллег по цеху и правительство.

Саша восприняла это как знак того, что для него она больше не туристка, с которой не стыдно содрать пару лишних песо, а своя – приятное чувство.

«Вирута» не изменилась с момента последней встречи. Саше казалось, что она могла бы пройти между столиков с завязанными глазами. Впрочем, тут было так темно, что в повязке на глазах не было нужды.

Она заняла предложенное распорядителем место, заказала бокал каберне-совиньон и принялась изучать обстановку.

Время наплыва выживших со всех городских милонг еще не пришло¹⁰, и на танцполе властвовали фрики – невнятного вида доходяги, именовавшие отсутствие мастерства «новым стилем». Они с трудом держались на ногах от фернета и плохой техники, но выделяли ногами партнерш всякие заковыристые кренделя.

Саша не пошла бы с такими плясать, будь они последними партнерами во всей Аргентине – она слишком давно в танго, чтобы позволить использовать себя в качестве метательного снаряда или танго-груши.

Многие из них, к слову, и впрямь походили на груши: милая, в силу молодости, мордаха, дряблые, словно студень, ручки, животик, кокетливо торчащий из-под маечки, ножки с попой – что пирожки сдобные. С ходу видно, что ножки эти не утруждали себя многочасовой шлифровкой танцевальной техники.

Саша по опыту знала, что смотрится эта сдоба аппетитно ровно до той поры, пока исходит аромат свежей выпечки. А потом... В общем, молодость – товар скоропортящийся, а мастерство – инвестиция более надежная.

Пока она кисло философствовала под замечательно дешевое, но божественное на вкус винишко, в зале стали появляться персонажи совершенно иной породы – те, кого сама она называла «пиджаками».

Многие из этих пиджаков были на размер, а то и два больше нужного, но эта спецовка старых лет все-таки уже выходила из употребления. Наиболее успешные танцоры пошили костюмы по фигуре, а дедушкины обноски сдали младшим братьям и приятелям. Менее известные обходились вовсе без пиджаков – просто широкие брюки и рубашки. Но чего они не утратили, так это умения обниматься: оно у них передается от одного поколения танцоров к другому, словно учение древних мудрецов.

В России-матушке, да и в Европе-старушке встречаются превосходные танцоры, но навыком обволакивать женщину до полной потери ориентации в пространстве, какое частенько встречается у аргентинцев, из них владеют единицы. В Буэнос-Айресе, у истоков танго, партнеры могут мазать мимо бита, делать из раза в раз одни и те же фигуры, двигаться неуклюже

⁹ Аргентинский вариант «фени», криминальный жаргон.

¹⁰ На милонге La Viruta после определенного часа бесплатный вход, и многие приходят сюда после других милонг плясать до утра.

и строить при этом идиотские рожи, но обниматься при этом, как боги. Черт его знает, как им это удастся!

Саша мгновенно перевела прожектор своего внимания на них.

«Если отбросить эмоции, – подумала она, попытавшись взять себя в руки, – толку от всех этих Хорхе с Мигелями не больше, чем от каких-нибудь тиктокеров. Но это оттого, что их неправильно используют. Почему бы не определить их лечить невротиков, которых кругом становится все больше и больше? Чем они хуже тех же дельфинов или собак? Эти улыбчивые, вечно «*como estas-muy bien!*» граждане способны моментально разгладить морщины и выветрить дурные мысли из головы уставшей от забот женщины, по крайней мере, на время. Главное, чтобы лабрадор при этом не возмнил себя королевской болонкой...».

Матиас привлек Сашу почти сразу после своего появления в клубе. Ее типаж: худой и довольно высокий мальчик с легкой небритостью и томно-поэтическими карими глазами. Если провести аналогию с «Мушкетерами», то Матиас был бы в этом кино Арамисом. Одет неброско, но элегантно: черные брюки и белая рубашка. Простые черные лакированные ботинки блестят в свете прожекторов. Лицо спокойно и расслаблено. Не было шального блеска в глазах и суеты – парень пришел отдыхать, а не работать.

Облобызался с другими пиджаками за столиком в духе местных традиций, заказал бокальчик шампанского с энергетиком и завел с ними какую-то болтовню.

Скабесить его не составило труда. С этим в Аргентине вообще нет проблем, если ты эффектная блондинка. Местные мужики куда ближе к природе, чем русские и европейцы, и потому на привлекательную самку реагируют однотипно и предсказуемо.

Потанцевали под волшебный бархатистый голос Angel Vargas – отличное начало. В России мало кто может по достоинству оценить эту музыку. Оно и немудрено. Попробуйте спеть аргентинцу про ваше родное Купчино или Южное Бутово. В его голове едва ли найдутся инструменты для визуализации тамошних челоуейников и торговых центров, так что ностальгировать он не станет. Так и для жителей другого полушария песни о местных районах – это какой-то мифический конь в вакууме. Ни тебе динамики, ни пасьона¹¹. Скука.

Но Сашу неслучайно местные принимали за свою. Она, конечно, не выросла где-то в Росарио¹², но о чем эти песни, представление имела.

Это ей помогало создать правильный настрой. Все-таки кто бы что ни говорил, а женщина в танго – не просто марионетка в мужских руках. Прежде всего, она причина самого танго. Не будь ее, мужики в тридцатые годы прошлого века не плясали бы друг с другом¹³. Кроме того, непосредственно в танце у нее есть своя роль. Пара на танцполе – это что-то вроде команды из пилота и штурмана в гонке. Партнер выступает в роли пилота, тут нет спора, но пословицу про голову и шею наши бабушки придумали не случайно. Именно партнерша создает магию, превращает механические шаги в сцепке в нечто большее. Если, конечно, умеет.

Саша умела. В ее жизни случилось немало мужчин. Благо, что в современном мире это не считается чем-то предосудительным. Ну не довелось ей пока встретить того самого. Уж больно быстро они прогорали все. А возиться с преданным очкастым занудой – это себя не уважать. Нет, до таких глубин она еще не пала.

В общем, с Матиасом все пошло по стандартной, правильной схеме. Волнующий взгляд зеленых глаз из-под пушистых ресниц был встречен пристальным и уверенным взглядом

¹¹ «Страсть» (исп.)

¹² Город в Аргентине, в провинции Санта-Фе.

¹³ По слухам, на заре танго мужчинам приходилось подолгу практиковаться друг с другом, чтобы заслужить право танцевать с женщиной. Об этом, в частности, рассказывал легендарный танцор Carlos Gavito (ныне покойный) в одном из своих интервью. Маэстро признавался, что в возрасте от одиннадцати до тринадцати лет ему приходилось исполнять на таких практиках женскую партию, потом он сам отрабатывал мужские шаги с пареньком помладше.

карих. Быстрые и четкие, как военный марш, шаги к ее столику, протянутая ладонь с длинными пальцами, очередь на танцпол, похожая на выезд со двора на оживленную магистраль.

В Аргентине не принято начинать танец с неловкого молчания, как это часто случается в России или Европе. Тут обычно первую половину мелодии люди налаживают связь с помощью того, что в странах западной культуры принято называть *small talk*. Разговор строится всегда примерно одинаково.

– Привет. Все ок?

– Да, все путем. Как сам?

– Все хорошо. Ты откуда?

– Из России. Точнее, из Германии. Я там работаю и живу сейчас.

– В БА впервые?

– Нет, уже в пятый раз.

– Ого! Да ты почти местная. У тебя отличный кастежано¹⁴, если бы не видел, что ты блондинка, подумал бы, что ты из наших.

– Спасибо.

– Давно прилетела?

– Вчера...

Ну и так далее. Цель этой незамысловатой беседы примерно такая же, как у хвостов синих человечков в фильме «Аватар», и слова здесь не имеют особого значения. Первые секунды после начала танды на танцполе все еще стоит равномерный гул. Музыку почти не слышно, и мало кто танцует.

Оно и хорошо. Голос – Сашино секретное оружие. Капкан для мужчин. Внешность – приманка, на которую мужик ловится, как на живца, но если голос противный, рыбка может и соскочить. Сашин голос в среде мужчин действовал как оружие массового поражения. Мягкий, мурлыкающий, чуть-чуть наивный и детский. Если еще при этом чуть-чуть выпятить губки в духе японских школьниц из манги, большинство южан мигом распускает перья и выключает голову. Но тем, на кого Саша охотится на милонге, она и не нужна – пиджаки танцуют на инстинктивном уровне.

Справедливости ради стоит сказать, что Матиас вел себя на удивление сдержанно. Не скованно, как те же скандинавы, но и не столь темпераментно, как местные. Энергию не расплескивает, но она у него точно есть, это Саша чувствовала.

Танцевал, правда, средне по местным меркам. Конечно, в России или Европе он был бы звездой. Носитель правильного паспорта, как-никак, ну и двигается музыкально, собой недурен. Саше случалось побывать в руках танцоров получше, но это и хорошо. Такое положение вещей в совокупности как бы уравнило их, и танец вышел максимально естественный. Никто не страдал от комплексов, никто никому ничего не доказывал, они просто наслаждались друг другом.

Четыре мелодии.

Расходиться не хотелось, но обычай обязывал.

Саша отнеслась к церемониям с пониманием и парня запомнила, чтобы при случае пригласить еще.

Да, это именно она его пригласила, а не наоборот. В этом проблема большинства русских девочек, полирующих диваны и стулья на милонгах Москвы и Питера. Особенно Питера. Им отчего-то кажется, что мужик телепат и должен прочесть ее желание танцевать по стыдливо опущенным в пол глазам или взгляду гипнотизера. Смотрит он в сторону девушки, а она в ответ буравит, словно василиск. Поди разберись, танцевать она хочет или человечинки отведать. Такое вот оно, русское кабесео, бессмысленное и беспомощное. С мужиками, правда, все еще

¹⁴ Аргентинский вариант испанского языка.

хуже, но об этом и думать уже лень. Если коротко, то не умеет русский мужчина отыскать путь к сердцу дамы, не умеет...

Матиас проводил ее к столику и растворился в толпе, оставив Сашу с ощущением того, что их пути еще пересекутся.

Так и произошло. В следующий раз они танцевали в Salon Canning, потом была милонга со слащавым названием *Fruto dulce*¹⁵, затем Cachirulo в El Beso и снова La Viruta. Круг замкнулся. В городе полно милонг, но Саша давно перестала пускаться в эксперименты и предпочитала проверенные места. Везде они танцевали по одной танде и оба, казалось, чувствовали – что-то намечается.

После второй «Вируты» поехали к Саше. Там это и случилось.

Подобные переживания были ей не впервой. Гормональная буря, романтика, ну и так далее. Но в этот раз водоворот ее затянул так крепко, что на милонгу они собрались только через неделю.

А что было до этого? Несколько дней прошли как во сне. Наверное, о чем-то подобном мечтает каждая женщина. Говорить об этом подробно нет смысла. В России есть универсальная, и отлично подходящая для такого случая фраза «все все понимают». В конце концов, тут, как и с танго – история для участников, а не зрителей.

После недели ленивых и беззаботных дней и страстных ночей, изможденные, но счастливые, они собрались для разнообразия прокатиться до Игуасу.

В автобусе спали, уронив головы друг на друга – близость, доступная немногим из побитых браком женатиков, чьи тела с годами становятся все более заскорузлыми. Способность к близости теряется без монотонной практики. Саша давно это поняла, но утруждать себя нужным не считала. Она знала, что скоро Матиас будет такой же историей, как Ариэль, Мигель, Серхио и другие замечательные мужчины. Но это потом. Сейчас Саша наслаждалась моментом взаимопроникновения без слов, и долгое путешествие в автобусе по разбитой грунтовке не могло ей помешать.

Водопады она видела не впервые – зрелище было прекрасное и в полусне, как случилось с ней в этот раз.

Пока она медитировала на падающую воду, клубы брызг и радугу, ее новый возлюбленный уже успел наткнуться на какого-то знакомого – подозрительного типа неопределенного возраста с бурого цвета кожей и длинными черными волосами с проседью.

Этот индеец, или кто он там (Саша не разбиралась в истории южноамериканских стран) на пару с Матасом замутили косяк в кемпинге неподалеку.

Саша отродясь не ночевала в палатках и к траве относилась в целом неодобрительно. Не то чтобы она сама не пробовала, но как-то не прониклась. Считала ее бесполезной фигней, поэтому внутренне напряглась, когда, сидя перед костром и глядя в огонь, получила переданную по кругу самокрутку.

Вежливо отказалась, на возлюбленный настаивал, и Саша сочла, что это тот самый хрестоматийный случай, когда проще дать, чем объяснить, почему нет.

От одной затяжки вреда не будет, решила она.

Но то ли она уже надышалась дымом от Матиаса с его товарищем, то ли трава была какая-то особенная – эффект вышел не совсем такой, как она ожидала.

Саша не заметила, как отключилась, и в тяжелом, свинцовом, полном дурных предчувствий сне увидела какие-то размытые зеленые пятна с маленькими шипами, похожие на резиновых лизунов, смутные очертания родной Москвы, где на крученых калачиках переулочках гуляли прохожие, облаченные в короны.

¹⁵ «Сладкий фрукт» (исп.)

Она проспала весь остаток дня и всю ночь. То проваливалась в полное небытие, то в очередной психоделический трип, а утром следующего дня жгучее латиноамериканское солнце развеяло этот морок без остатка – только хмурый взгляд исподлобья, подаренный на прощанье индейцем, напомнил о вчерашнем вечере.

Вместе с Матиасом Саша вернулась на съемную квартиру, чтобы привести себя в порядок и выбраться наконец уже куда-нибудь на милонгу.

На подъезде к городу в автобусе оживило радио.

Сквозь шум от помех с трудом можно было различить вырванные из контекста тревожные слова «карантин» и «оставайтесь дома», но туристы, в том числе и сама Саша, значения им не придали. Кто-то мирно посапывал, кто-то просто дремал под музыку, но большинство тупило в телефонах.

Дома (привыкшая к путешествиям Саша считала домом любое место, где проводила больше одной ночи) включили телевизор. Чисто для фона. Обычно Саша телевизор не смотрела, а новости узнавала в интернете, но тут захотелось живой речи.

Фон вышел тревожный. Миловидная брюнетка-дикторша тоже лопотала что-то про карантин. Прозвучали слова про вирус, на экране бегала строка с красными буквами и цифрами.

Сашу посетило дурное предчувствие. Но не пропадать же отличному черному платью с белой лентой на поясе, ведь в нем она настоящая леди. Стильная и сдержанная.

Матиас выглядел под стать – черный костюм с белой рубашкой. Жаль, правда, пиджак был в плечах великоват.

Они немного порезвились перед выходом, из-за чего покинули квартиру уже около десяти. Обычно в это время можно было добраться в любую точку города на такси или автобусе, но сегодня с транспортом была напряженка.

После двадцати минут тщетных попыток им удалось поймать таксиста.

– Куда вам? – спросил пожилой мужчина с проплешиной на голове и бейджем с именем «Хорхе», косо прицепленном за нагрудный карман.

Матиас назвал адрес милонги Yura Yura.

– А что там? – спросил таксист.

– Милонга, – недовольно отозвался Матиас.

Длительное ожидание сделало его нервным.

– Вы что, не слышали? – не унимался уса́тый дядька, – Город закрывают на карантин. Всем велено сидеть дома!

– Как это закрывают? Кто? Зачем? – взвился Матиас.

Для настоящего мужчины, а Матиас, несомненно, причислял себя к таковым, нет ничего хуже, чем потерять контроль над ситуацией на глазах у прекрасной дамы.

Саша это понимала и потому пожалела беднягу.

– Извините за беспокойство, – промурчала она таксисту, – мы лучше вернемся домой.

– Разумная мысль, сеньорита, – отозвался тот и уже собрался было дать по газам, но Матиас его задержал, уцепившись руками за открытое окно машины.

– Стой! – рывкнул он неожиданно агрессивно, – Отвези нас на милонгу, а там мы уж сами как-нибудь разберемся.

– Хорошо... – пожал плечами таксист.

Город и впрямь был непривычно тих, хоть и не совсем вымер. Оставались еще собачьи няни, полиция и редкие туристы.

Пока они непривычно быстро неслись по опустевшим улицам, Саша никак не могла до конца проникнуться словами шофера. Помогло объявление на двери клуба, где проходила

милонга. Что-то вроде: «Уважаемые гости, на основании распоряжения правительства Буэнос-Айреса мы закрыты до особых распоряжений. Берегите себя!»

Тут она уже забеспокоилась всерьез.

Но Матиас был неуправляем в своем желании сплясать этой ночью.

– Вези нас в «Ла Вируту»! – велел он не успевшему отъехать Хорхе.

– Там будет то же самое... – попробовал возразить тот устало.

– Вези, кому говорят, – упрямо настаивал Матиас.

О том, чего хотела Саша, никто не спрашивал.

Хорхе был прав, и на двери вечной «Ла Вируты», настоящем храме танго, выдавшем, пожалуй, всех лучших танцоров Аргентины из ныне живущих, висела бумажка с аналогичным текстом.

– Отвезите нас домой, – взмолилась Саша.

– Конечно, красавица! – ответил сердобольный Хорхе и отключил счетчик. Сегодня он и так неплохо заработал.

Дома Саша, чтобы унять беспокойство Матиаса, нашла в телефоне «Adios Buenos Aires» в исполнении D`Agostino.

Потанцевали на укутанной в южную ночь террасе – не хуже, чем на милонге. К тому же от милонги было довольно далеко до постели, а тут...

Потекли долгие дни, полные тревожного ожидания. Саша впервые с детства стала смотреть телевизор не для фона, а реально и осознанно. Там было полно неизвестных ей слов, жутких хроник из госпиталей и общей ауры тревоги и страха.

Со страхом боролись самым доступным для молодых людей способом. На время это помогло.

Спустя две недели они стали ссориться. Постоянно. Из-за любой мелочи. Свободолюбивая душа Матиаса, похоже, страдала оттого, что очутилась запертой в чужой квартире на птичьих правах.

Он перешел на режим сбережения энергии и проводил весь день в мессенджерах и телефонных играх, ну, а ночью все было без перемен. Энергии, накопленной за день, ему хватало. Ее было даже слишком много и местами она билась через край, когда Саша пыталась отвлечь его от обычных дневных занятий чем-то, не связанным с поглощением еды и контента.

Скоро Саша прекратила попытки вывести его из этого овощного состояния и просто мониторила любую информацию о возможности покинуть город.

На выручку неожиданно пришла историческая родина: на сайте российского посольства нашелся телефон поддержки. Дозвониться по нему оказалось задачей для человека с исключительным терпением, но Саша, пусть и на третий день, пробилась через автоответчик.

– Посольство. Чем могу помочь? – сказал усталый мужчина, не пожелавший представиться.

Задремавшая за монотонной бомбардировкой телефонной линии Саша аж подскочила от неожиданности и вышла с мобильником на террасу.

– Здравствуйте, я приехала в город около месяца назад и хотела бы вернуться в Германию.

– Как Вы себя чувствуете?

– Нормально...

– Кашель, температура, потеря обоняния?

– Вроде нет...

– Хорошо. Тогда покупайте билеты и следите на сайте аэропорта, не отменят ли рейс.

Удачи.

На том конце раздалась гудка.

Саша взглянула на экран мобильного и внезапно осознала, что до Нового года осталось всего несколько часов. Страшно захотелось поверить в чудо.

– В посольстве сказали, что я могу уехать, – доложила она Матиасу. – Поедешь со мной? Рассчитывала, что он откажется. Их симбиоз давно уже начал ее тяготить.

Но он ухватился за этот шанс со всем возможным цинизмом.

– Конечно, поеду, любовь моя, только у меня денег на билет нет. Ты не одолжишь мне?

На словах «любовь моя» Сашу передернуло. И как она раньше умилялась этой патоке? Делать нечего, придется тащить с собой этого иждивенца. Сама же завела об этом речь. Деньги у Саши были.

– Собирай вещи, – велела она и принялась искать билеты.

Билеты нашлись, но на сайте авиакомпании недвусмысленно давали понять, что гарантий того, что рейс до Берлина или Франкфурта улетит, они не дают.

Саша заполнила регистрационные формы на себя и Матиаса, перевела деньги, но подтверждение оплаты все не приходило.

До вылета осталось четыре часа.

Набрала телефон банка, чтобы выяснить, что с оплатой, и под заменяющую гудки классическую мелодию принялась швырять вещи в чемодан.

Полчаса на сбор вещей – это невообразимо быстро, но полчаса ожидания ответа на звонок – вечность.

Под музыкальные гудки Саша схватила чемодан и выскочила на лестничную клетку.

Матиас неспешно вышел следом. Весь его скарб поместился в спортивную сумку.

Она пихнула ему свой чемодан и вызвала лифт, а сама побежала по лестнице, чтобы не потерять сигнал сотовой сети.

На линии по-прежнему были гудки, периодически прерываемые голосом робота: «Ваш звонок очень важен для нас, пожалуйста, не кладите трубку...».

Она спустилась с пятого этажа, а живой речи на том конце все не было.

Матиас уже ждал внизу.

– Чего стоишь, такси лови! – бросила ему Саша раздраженно.

Он поскрипел зубами и прожевал обиду. Очень уж хотелось ему в Германию.

Такси пришлось ждать еще минут тридцать, если не больше. Саша то не спускала глаз с часов в телефоне, то вовсе переставала на них глядеть, мол, какой смысл впустую трепать нервы.

Наконец, они на заднем сидении. Расселись по углам. Саша прижалась к стеклу и продолжала напряженно слушать гудки, временами прерываемые автоответчиком.

Доехали в аэропорт уже, а в телефоне без изменений.

Вот уже и стол регистрации, а они даже не знают, есть ли у них билеты!

Очередь из желающих покинуть город свернулась змеиными кольцами.

Наконец, на другом конце телефонной линии раздается торопливый голос.

– Банк ****, чем могу помочь?

Саша снова вздрогнула от неожиданности и даже чуть телефон не выронила.

– Здравствуйте, я хотела бы узнать, оплачены ли мои билеты... – хрипловато пробормотала она с задержкой.

От длительного молчания у нее пересохло во рту.

– Когда была операция? – спросила служащая банка.

– Сегодня, – Саша задумалась, – несколько часов назад.

– Срок осуществления операции – до трех суток, – раздалась заученная фраза.

– Но у меня через два часа вылет...

– Простите, больше ничем помочь не могу. У Вас есть другие вопросы?

– Нет...

– Тогда желаю Вам удачи и хорошего дня! Спасибо, что выбираете ****!

Саша в растерянности опустила руки. По щекам потекли слезы.

– Не плачь, любимая, – великодушно сказал Матиас, – может, прошла оплата, сейчас узнаем.

Он обнял ее, но Саша вывернулась: противно стало от его телячьих нежностей.

После этого до самой стойки регистрации они не проронили ни слова. По крайней мере, вслух. Про себя Саша молилась: «Отпусти меня, Буэнос-Айрес!»

Когда настал момент истины, она дрожащими руками протянула паспорт измотанной девушке на стойке регистрации.

– Багаж? – устало спросила сотрудница аэропорта.

– Один чемодан и ручная кладь, – ответила Саша.

Облегчение, которое она испытала, нельзя было сравнить ни с чем. Какой там секс после воздержания! Вот они, чистые и яркие эмоции, какие только могут быть.

Город отпустил Сашу. Она немного потомилась еще в терминале аэропорта перед вылетом, выпила кофе, покормила Матиаса, прошла на борт самолета, села у окна, достала AirPods и включила на телефоне заслушанное танго в исполнении Анхеля Варгаса.

Debo alejarme de mi tierra tan querida,
Debo alejarme, sangrando el corazón,
Como el poeta he de decir en mi partida:
Adiós Buenos Aires, amigos adiós.

Самолет начал взлетать. На часах была полночь.

В Старом Свете начинала победный марш новая зараза, но танго еще только готовилось уйти на бессрочный простой.

– Мне написала подруга из Италии, предлагает вести мастер-классы, – заявил Матиас Саше.

Он уже месяц жил и питался за ее счет и, очевидно, тяготился от безделья и безденежья.

– Ну, ты можешь вести уроки и тут, – осторожно ответила Саша, – возможностей достаточно.

Но Матиас пропустил это замечание мимо ушей и все равно улетел в Рим к жгучей брюнетке с томным взглядом черных глаз – должно быть, пресытился северной экзотикой.

Саша почти равнодушно изучила ее профиль на фейсбуке¹⁶ и купила «возлюбленному» билет в один конец до солнечного сапога. Скатертью дорога, любимый, скатертью дорога...

Когда Женя вернулся с добычей, предусмотрительно запрятанной в пакет, Алиса все еще в задумчивости накручивала локон на палец.

– Эй, все хорошо? – встревоженно поинтересовался Женя.

– Да, просто вспомнила одну историю из танго и жизни.

– Надеюсь, со счастливым финалом?

– Ну как сказать... Как и положено в танго – все сложно, – улыбнулась Алиса, принимая из рук добытчика трофеи.

– Это звучит как тост, знаешь? – промолвил Женя все еще настороженно, но уже с улыбкой.

Они зашуршали пакетиками, открутили крышечки у микробутылок. Алису особенно порадовала россыпь крошечных, на один укус, разноцветных макарон.

¹⁶ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

– Так выпьем же за то, чтобы и сложности приносили удовольствие! – на грузинский манер провозгласила она.

– Ну и за знакомство, – поддержал ее Женья.

Повисло немного неловкое молчание. За окнами в очередной раз полыхнула молния.

– Итак, пятнадцать лет в танго, – произнесла Алиса уважительно, – странно, что я о тебе совсем не слышала...

– Ну, я ведь не преподаватель, не диджей... Танго у меня для души. С моей работой не всегда есть возможность вырваться на милонгу. Про фесты с марафонами вообще молчу. По крайней мере, последние лет пять или около того живу в таком режиме. Так что нечему тут удивляться.

Алиса на некоторое время задумалась о перспективах собственного танго. Затем посмотрела в окно, где все еще бесновалась стихия.

Погода ясно дала понять, что они застряли надолго.

Приняв этот факт, Алиса скомкала бумажный пакетик и снова заговорила.

– Ну, давай тогда за жизнь поговорим, что ли?

– Давай, – рассмеялся Женья, – с чего начнем?

– С начала, – серьезно ответила Алиса. – Как же засосала тебя эта трясина?

– Танго-то? Да обычно. Влюбился в девчонку, когда в универе учился. Ну и решил подкатить со вкусом...

Алиса прыснула со смеху.

– И как? Получилось? – иронично поинтересовалась она.

– Ну, в каком-то смысле... – криво ухмыльнулся Женья.

– Вы до сих пор вместе?

– Нет. Давно уже нет...

– Не расскажешь?

– Да нечего там особенно рассказывать. Скучно и прозаично все.

– И все-таки? Как-то не верится.

– Ты ведь не отстанешь, – понял Женья.

– Неа, – честно согласилась Алиса.

– Тогда давай сделку. Меняю одну свою скучную историю дебюта на пять поживее, но не моих. Курс выгодный, бери, не пожалеешь.

– А свою ты унесешь в могилу? – улыбнулась Алиса.

– Угу, – так же честно признался Женья.

– Ну тогда давай, что есть.

Женья вытянул вперед затекшие от сидения ноги, отложил опустевший винный шкалик и прочистил горло...

Tres cinco amigos

17

Юля опаздывала на собственный открытый урок и немного нервничала. Она в очередной раз проклинала центр города с его парковочным коллапсом, хоть и прекрасно понимала, что открой она школу где-нибудь на выселках или в спальнике, загнется от голода уже через пару месяцев. Ну не приживается танго на окраинах Питера! Пробовали уже много раз до нее, и все без толку. Так что все как у всех: крохотный зал в полуподвале на Некрасова, конская аренда, ремонт, доведенный до ума собственными руками и руками равнодушных учеников, и сумасшедшие соседи, чуть что вспоминающие треклятый питерский закон о тишине, но уж очень вольно его трактующие. И выхода особого нет. Все ютятся в трех районах плюс-минус. Центральный, Адмиралтейский и Петроградка... Тесно – мочи нет, но деваться некуда: традиции питерских коммуналочек все-таки живы. Правда, в последнее время народ стал мутить перепланировки в своих комнатухах, отгораживать пяточки под кухоньки и санузлы, чтоб маленькое, но свое. Оно и понятно, почему: уживаться друг с другом ой как непросто – все люди творческие. А все-таки раньше, когда все собирались на одной кухне, было как-то повеселее... А может быть, дело в том, что все были моложе?

Последнюю мысль Юля решительно пнула куда подальше и сосредоточилась на предстоящей задаче.

Реклама в яндексе в этот раз дала совсем небольшой выхлоп. Записалось всего пятнадцать человек. Оно бы ничего, если бы все они остались и купили абонементы, но такое случилось все реже. У Юли был наметанный глаз и обычно она знала, кто уйдет, а кто останется, уже в первые минуты пробного урока. Это делало остальную его часть формальностью, с годами тяготившую ее все сильнее.

Ну, что там нас ждет? Из пятнадцати записавшихся придут, дай бог, восемь. Из них шесть – женщины бальзаковского возраста, ищущие возможности расплескать нерастраченные чувства или же не знающие, куда деть себя после ухода мужа, парочка юных неразлучников – этим в принципе все равно, что делать в промежутках между сплетением щупалец. Вполне вероятно, придет чета средних лет, где супруга притащила мужа за пейсы сметать бытовуху с палубы семейной ладьи. Хорошо, если мужичок из бывших бальников, тех, что в отставку еще при Александре-Освободителе вышли. Эти самые надежные, почти всегда остаются. Уныло, аж зубы сводит! Жизнь наполняет светом другие уголки мироздания, а танго скромно ютится в тенечке и чахнет. И как тут отделаться от унылых мыслей, войти в зал и в сто тысяч первый раз разыграть непрекращающийся парадиз и пир эмоций? А не справишься, дашь унынию выползти на поверхность, отразиться на лице – оглянуться не успеешь, как останешься без средств на хлеб и аренду зала. В общем, улыбаемся и машем, парни, улыбаемся и машем...

Картина в классе превзошла ее ожидания, и не в хорошем смысле. В классе было всего пять незнакомых лиц. Остальные семеро – волонтеры из старшей группы, приглашенные накануне для массовки и помощи в организации.

Юля заскочила в раздевалку и в гордом одиночестве протяжно выдохнула.

«Улыбаемся и машем», – еще раз напомнила она сама себе.

Урок начался традиционно:

– Дорогие друзья, мы рады приветствовать вас в нашей школе, на вашем первом уроке танго, спасибо, что выбрали именно нас...

¹⁷ «Трое пятеро друзей» (исп.)

Ну и далее по тексту.

Юле казалось, что от многократного повторения эта мантра уже изрядно поистаскалась и утратила первостепенную искренность и радушие как минимум вполовину, но искать новые пути ради пятерых случайных прохожих, из которых, дай бог, один купит абонемент...

«Кстати, кто тут у нас? – размышляла она, пока речевой аппарат в автономном режиме выдавал присутствующим краткий обзорный экскурс в историю происхождения танго. – Мужчинка интеллигентного вида лет около сорока. Это хорошо. Перспективный кадр. Такие на вес золота. Мужиков вечно не хватает, а этот еще и выглядит приятно. Немного пообтесать, и вылезать из женских объятий не будет. О! Да тут и юноша есть! К тому же в гордом одиночестве. Это вообще Эльдорадо! Если у него с мозгами все хорошо, конечно... Таких, чтобы и с головой на плечах, и при этом без танцевального прошлого, и юных да свежих... Таких мы не встречали давненько... Они чаще в других местах тусуются, ближе к молоденьким и хорошеньким дурочкам. На бальника не похож от слова «совсем». Скорее на деревенщину. Вон и усики с баками дурацкими. Надо бы намекнуть потом, чтобы сбрил. Ладно, как говорится, «будем посмотреть». С мужским контингентом у нас все. Теперь барышни. Их есть три у нас. Судя по обуви и неуверенным позам, танцевальным прошлым тут и не пахнет. Эх... Что у вас, девушки? Вот у Вас, с пышными формами, все шансы. Только в юбке такой можете в церковно-приходскую школу идти. А впрочем, с таким бюстом пофиг на юбку... А у вас, кисы мои, все печально. Кто мы? Бухгалтеры, экономисты, юристы? Учительницы начальных классов? На лицах уже явственно проступили отпечатки интеллекта, а он у наших мужиков не в чести. Так что, думаю, отвалитесь обе через годик максимум. Телеса к пляскам явно не готовы, пахать и пахать надо. И даже если у вас с этим проблем не будет, никаких гарантий дать вам не могу. Се ля ви... Но раз уж пришла, надо отрабатывать».

Дальше традиционная пробная тропинка от игры в ладушки к базовой салиде¹⁸ в открытом объятии с последующим объявлением: «Ну вот вы и станцевали ваше первое танго!»

Ничего сверхъестественного Юля не делала, но результат снова превзошел ее ожидания. На этот раз в приятном смысле – все пятеро купили абонементы в первый же день.

Это и в самом деле была нетривиальная ситуация. Обычно так поступали один-два посетителя пробного урока. Еще несколько человек обещались сделать то же со дня на день. Но и держали слово тоже один-два. Таким тихим сапом, шаг за шагом, с миру по ниточке, по кусочку, по лоскутку, Юля и собирала свой выводок. Ученики доставались ей непросто, но и уходили тоже редко.

– Итак, тадасана, – сказал Геннадий. – Встаньте прямо, стопы соедините. Большие пальцы ног должны касаться друг друга. Можете немного развести пятки, если это необходимо. Перекатившись на пятки, поднимите плюсны и разведите пальцы ног, затем мягко верните их на коврик, вытягивая пальцы вдоль коврика...

Он учил людей йоге вот уже почти пять лет, но совершенства, конечно, не достиг и в собственной практике. Однако переживаний по этому поводу не испытывал совсем, ведь йога – это путь длиною в жизнь, и каждый идет по этой дорожке в своем ритме. Гена вступил на нее в возрасте тридцати пяти лет и знал тех, кто сделал это уже на пенсии. За это он и любил йогу. Тут было неважно, кто ты, сколько у тебя денег и других материальных благ. По идее тебе ничего не нужно, кроме коврика и знаний, но он очень любил практиковаться именно в группе, это помогало избежать томящего чувства одиночества, так хорошо знакомого многим жителям больших городов, даже тем, у кого есть семья. А у него ее не было.

¹⁸ Фигура в танго, название которой дословно переводится как «выход».

До тридцати он проработал в айти-сфере, а после осознал, что годы принесли ему не только солидный доход, но и солидный вес, отдышку, полное отсутствие личной жизни и вечера за пиццей с компьютерными играми.

Естественно, не у всех коллег по индустрии жизнь протекала столь печально – перед глазами было полно основателей стартапов, отцов больших семейств, владельцев загородных усадеб, но практически все они ушли в закат где-то на Западе, а окружающие Гену коллеги были такими же унылыми ботаниками без видимых шансов на прорыв в обозримом будущем. Тухляк, короче.

И он решил все изменить.

Сначала был спортзал, но со штангами и гантелями роман не сложился. Тяжело кропотливо работать над собой, когда кругом нашпигованные искусственным тестостероном альфа-макаки приседают с весом небольшого автомобиля на плечах. Даже большая часть девчонок в зале была намного сильнее Гены и это подрывало его уверенность в себе настолько, что вопреки всякой логике, услугами персонального инструктора он воспользоваться не решался. Надменных громил с обезьяньими повадками он боялся до ужаса, а надменных фитоняшек – и того больше.

Недостаток знаний он пытался компенсировать старанием и целый год усердно махал гантелями, скрючивался на скамье для пресса и крутил педали.

Увы, это не помогло ему хоть немного сдвинуться с мертвой точки. То ли делал он не те упражнения, то ли не так. Возможно, впрочем, виной тому была Маргарита, которая утешала его после тренажерки. В смысле, пицца. Ну ладно, Маргаритой там дело, конечно, не ограничивалось. Иногда ее подменяли четыре сыра, случалось, что Болоньезе или что-нибудь с хамоном или ветчиной. Как пойдет. Суть в том, что к концу абонеента он так и остался неуверенным в себе пухляшом, посещения зала становились все реже, а с его истечением прекратились вовсе.

С прекрасным полом у Гены было никак. То есть внутри него бушевал ураган страстей, но дать ему волю он не мог.

После расставания с качалкой пара лет прошла в мутном мареве. Пробовал снимать ролики с обзорами смартфонов, играл в онлайн-игры, и жизнь как-то текла. Но постепенно он понял, что двести подписчиков на канале – это не «ламповая атмосфера», а мартышкин труд и скука смертная. Выпуск роликов с обзорами превратился в рутинный конвейер, сравнимый с ковырянием траншеи в ускоренном режиме, игры тоже перестали приносить радость. В один прекрасный момент Гена осознал, что проводит перед монитором почти все время, не занятое сном.

Утро начиналось с чтения новостей на «Фонтанке» и просмотра роликов с приколами или обзорами игр, смартфонов и ноутбуков. Дальше дорога на работу. В пути он подслеповато и безразлично пялился на прохожих, пока беспроводные «маршаллы» надсадно орали в уши какой-то deer house. В метро к музыке снова добавлялись статьи, игрушки в телефоне, ролики из ютуба.

На работе его ждали таблицы, графики, наивные клиенты, думающие, что сделанная фирмой «Сайт.нет» страничка позволит им резко увеличить выручку. Быстрая халтурка, прокрастинация в соцсетях и опять игры, ролики и чтение новостей.

Вечером повторялось все то же самое, что и утром, только в обратной последовательности. Заканчивался день, как правило, пиццей, бутылочкой пивчанского и просмотром очередного сериала. И так каждый день.

В какой-то момент Гене стало казаться, что все его существование – компьютерная игра без определенного сюжета. Типа как тетрис. Вот сыплются фигуры, а ты их расставляешь. Со временем тебе это надоедает, концентрация теряется, и тогда фигурки заваливают тебя с ног до головы. И все, гейм овер. В молодости он думал, что играет в РПГ, но теперь понял, что именно в тетрис. Не было интригующей цели, финального босса и промежуточных монстров,

побочных веток и вариативности сюжета. Все было тупо и линейно. И стало обидно до жжения в желудке... Хотя, может, это был просто гастрит от пиццы с коллой.

Он стал глядеть по сторонам в надежде отыскать ответвление, чтобы соскочить со своей кольцевой. Ну и нашел уроки йоги. На пять лет он ушел в нее так плотно, что коллеги по фирме сочли, что он тронулся умом.

Тут ведь как бывает: жил ты себе жил таким кабачком на грядке, а потом раз! Смысл обрел. И все накопленное, все нерастраченное и забродившее проваливается в него, как застойная вода в унитаз, чтобы спустить к черепашкам-ниндзя ощущение бессмысленности прожитых лет.

Такое рвение принесло свои плоды. Медленно и еле заметно, но тело, наконец, сбросило жировой слой, разум очистился от суеты. Появилась ясность и, что еще более приятно, спокойствие.

К тридцати пяти он превратился из обрюзгшего патлатого пончика в майке с эмблемой Бэтмена в интеллигентного подтянутого мужчину с элегантной эспаньолкой и модной стрижкой. Бросил к чертям собачьим программирование и прошел курсы преподавателей йоги, после чего устроился в ту же самую школу, где впервые встал на коврик.

Доходы, конечно, резко упали, но Гена с легким удивлением обнаружил, что если не менять смартфон раз в полгода и питаться едой, купленной в «Пятерочке», то вполне можно прожить и на эти куда более скромные деньги. Ясная голова, подарок за усердие в йоге, помогла ему наладить контроль над тратами, и в результате он даже стал откладывать, чего раньше никогда не случалось.

А еще у него появились ученики. Точнее, по большей части ученицы. В основном домохозяйки, занимавшие часы между проводами детей в школу и их встречей с борщами и макаронами по-флотски. Исчезающий вид, так сказать. После занятий они частенько задерживались поболтать о житейском или, напротив, о высоком. Во втором случае они по наивности обращались к Гене в надежде получить какой-нибудь мудрый совет.

Их вера в него была столь чиста и непоколебима, что объяснять бедным женщинам, что их гуру совсем недавно слез с иглы потребительства и сам не прочь найти духовного наставника, ужасно не хотелось. К тому же это могло навредить бизнесу, и Наталья, основательница школы, такого ему бы не простила. Духовность духовностью, а денежки есть денежки.

Именно благодаря этим беседам Гена наконец-то научился разговаривать с женщинами. И даже немного разобрался в своих собственных мыслях, причем делать это вслух оказалось довольно полезно. Жаль только, что дальше разговоров общение с прекрасным полом все так же не двигалось.

Иногда пытался пригласить кого-нибудь из учениц на кофе, но чаще всего получал в ответ смущенный лепет про мужа или какие-нибудь дела и резко прятал голову в песок.

Так продолжалось до тех пор, пока он не обнаружил на стойке ресепшн флаеры с рекламной школы аргентинского танго.

В тот день после очередного урока он пил чай и болтал с Сонечкой, администратором их школы. Сонечка отшила его еще год назад и с тех пор осталась тверда в своем решении. Она была очень строгой и возвышенной девушкой, что странно контрастировало с многочисленными татуировками и копной дредов, скрывавших почти монашеское суровое лицо с резкими скулами.

Разговор не клеился, и Гена привычно тупил, глядя на рекламную стойку. Там среди знакомых уже бумажек с изображением одиноких людей в разных асанах попался листок с нарисованной парочкой мультяшных толстяков в непривычной позе.

– О, а что это? – спросил он, протягивая буклет Соне.

– Не знаю, кто-то из наших оставил, наверное, – монотонно отозвалась Соня, – может, в Анькино дежурство положили. При мне вроде не было.

– Любопытно... – протянул Гена.

– Ну да... – вяло согласилась она.

По ее интонации было ясно, что танго ей интересно не больше, чем график роста цен на медную руду в Бразилии. И Гена не стал развивать тему.

Но один буклет в сумку себе кинул и уже дома в спокойной обстановке набрал обозначенный на нем номер.

– Алло, – раздался на том конце женский голос.

– Здравствуйте, я по объявлению... Это школа танго?

– Да-да, Вы попали куда нужно, – оживился голос на том конце.

– Прекрасно. Я бы хотел записаться на открытый урок... – смущенно пробормотал Гена.

– Чудесно! – воскликнул голос в трубке. – В субботу в двенадцать подойдет?

– Да, спасибо.

– Вам спасибо, что позвонили! Как к Вам обращаться?

– Геннадий.

– Хорошо, Геннадий, я Вас записала. Ждем в субботу!

– До встречи, – попрощался Гена и сбросил вызов.

По его спине пробежал приятный волнующий холодок.

Алена работала операционисткой в почтовом отделении всего месяц, но ей уже надоело. Она все-таки была молодой, пусть и не слишком активной девушкой, а кругом были сплошные тетки и бабки. Если не считать Машку с Катей. Те были ее ровесницами, но к своим двадцати умудрились так отожраться, что походили на два дирижабля или две сдобные булки, зажавшие между собой тоненький ломтик ветчины – Алену.

Ее не то чтобы гнобили, просто не замечали. Оно и не удивительно, на фоне прочих сотрудниц она едва ли могла сойти за человека. Максимум четвертинка.

И поговорить ей было не с кем. Точнее, не о чем. Эти-то клавиы трепались почти не переставая, но там была сплошная бытовуха: цены на коммуналку и чипсы с картошкой в «Магните», кто на ком женился, но чаще кто с кем развелся, больная печень и суставы. Ну и так далее и тому подобное. Казалось бы, чего там обмусоливать, совершенно непонятно, но Машка с Катей зачастую умудрялись не прекращать разговоры, даже обслуживая клиентов.

– Драс-с-с-те... – шипела Машка, обращаясь к очередному кудапошлюту из очередного ООО «Рога и копыта», – вам чего?

– Вот, заказные письма отправить, – тускло промямлил щупленький студентик. Должно быть, проклинал машинку на входе, выдавшую ему талон на свидание с Машкой.

– Сколько? – спросила Машка, глянув исподлобья.

– Пятьдесят одно...

Нарисованные брови Машки возмущенно поползли вверх.

– Ладно, доставайте.

Студент выложил кипу писем, и она сгребла ее своей ручищей.

– Ну, и он чо? – обратилась Машка к Катке через Аленину голову. О студенте она уже забыла.

– Ну, чо, чо, – ответила Катка, отличавшаяся от Машки только цветом волос и чехлом смартфона, – свалил он. И не перезвонил. Падла...

– Мудак... – согласилась Машка.

– А? – переспросил студент, оторвавшись от мобилы.

– Эт я не вам, – не глядя бросила Машка.

– А... – протянул студент и вернулся к онлайн-игрухе.

И так целый день. А за ним еще день, и еще, и еще... Осточертели Алене все эти письма, конверты, отживающие свой век в цифровую эпоху вместе со старожилами почтового отделения. С такой работы недолго в другое отделение переехать – психиатрическое.

Приходила на работу она ровно к девяти, работала до обеда, пила кефир с булкой, снова работала и шла домой. Пешком.

Свободное от упаковки, франкирования и прочей унылой рутины время Алена занимала рутиной цифровой: смотрела сериалы, читала книжки, листала инсту и вконтакт. Все, как у нормальных людей, а не этих кроманьонцев.

Там же в сети ей выпала контекстная реклама: «Уроки аргентинского танго в Санкт-Петербурге». С чего яндекс вообразил, что Алене, в жизни не танцевавшей ничего, кроме медяков и дрыгов-прыгов на школьных дискотеках, будут интересны чулки и розы в зубах? Может, в названиях фильмов или сериалов проскакивало слово «танго»? Она попыталась вспомнить, но не смогла. А ссылку кликнула.

Информации на сайте школы было немного. Все скромно и ненавязчиво. Это вызывало уважение – если у потенциального клиента возникнет желание, он сам задаст уточняющий вопрос. Позвонит или, что чаще, погуглит. Жаль, что не все коммасы столь деликатны...

Судя по тому, что было изложено на пестренькой красно-желто-синей интернет-страничке, эти ребята предлагали путешествие в мир каких-то абстрактных сущностей вроде взаимодействия, импровизации и проживания чувств.

Что все это значило, Алена не знала, и в другой день наверняка бы равнодушно закрыла вкладку браузера и отвлекалась на что-нибудь другое. Но тут, как говорится, что-то пошло не так. Залипла. Начала листать фотки.

На них была женщина лет сорока с приятными чертами лица, вызывающего умеренное доверие и симпатию. Видимо, руководитель школы. На кадрах, запечатлевших сами уроки, народу было немного. Это тоже подкупало. Алене не нравились большие скопления людей.

Знойными брюнетками с ногами, упакованными в сетку, там и не пахло, как, впрочем, и зализанными лоснящимися мачо. Люди на фотографиях выглядели так, будто с ними можно было наладить контакт. Снимков было ровно столько, чтобы разжечь любопытство, не больше и не меньше. Пролистав их, Алена принялась за тексты про обретение новых друзей, интересное времяпровождение... В самом низу страницы были ссылки на странички в вк, ФБ, инсте¹⁹ и ватсап с тележкой.

Алена подумала ткнуть в инсту, но зависла. Стоит ли убивать интерес кучей фоток? Пожалуй, просмотреть их она всегда успеет. Вместо этого кликнула по бумажному самолетику в синем кружке:

«Здравствуйте. Можно к вам на открытый урок записаться?», – написала она в окне чата.

Сколько-то минут сообщение оставалось без ответа, и Алена отвлеклась на посетителя почтового отделения. Пока отправляла очередное письмо, телефон уютно булькнул. Кто-то написал ей.

Отпустив клиента, Алена ткнула в кружок дактилоскопа и оживила экран. Спустила шторку уведомлений и ткнула в иконку с сообщением.

«Добрый день, как к Вам обращаться?», – писал неизвестный номер.

«Алена».

«Алена, могу предложить Вам открытый урок в субботу».

«Ок. Только у меня нет партнера. Это критично?»

¹⁹ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

«В первое время партнер необязателен. А впоследствии мы постараемся Вам помочь с поиском. В любом случае у нас в группах пары постоянно перемешиваются, это нужно в учебных целях. Так что приходите, без дела скучать не придется».

«Спасибо. Приду».

Она отложила телефон и посмотрела по сторонам. В зале было пусто, ни одной бабули с бандеролью, ни одного курьера с письмами и посылками. Машка с Катькой жужжали фоном о чем-то своем, Вера Петровна, начальник отделения, пила чай с коньяком в кабинете. Из открытого зарешеченного окна падали косые солнечные лучи, а в них, словно крохотные танцующие пары, кружились пылинки.

Дашке следовало бы родиться где-нибудь в эпоху первых пятилеток или подъема целины. Бывают такие люди, которым на роду написано открывать неизведанные земли, покорять глубины, бить и ставить рекорды. Но где ставить рекорды и что поднимать с колен, если ты инженер на станкостроительном заводе в информационную эпоху? Подшипники и разводные ключи не наберут миллионы просмотров и лайков, а сделаться, как многие сверстницы, пустышкой в блестящем фантике Даше не случилось.

При желании можно было обвинить в этом папашу, мечтавшего о сыне. Это ведь он, не добившись желаемого даже с третьего захода, приучил к паяльнику и сверлам младшенькую.

Но Даша папу любила. От него приятно пахло дымком, с ним можно было вдоволь ковыряться в железяках и не бояться зачухониться – мама, увидев свежие пятна на джинсовом комбинезончике, вспыхивала как спичка. Папа был спокоен, добр и мудр. Он рассказывал сказки, позволял есть мороженое и дошираки, чертил на огромных листах ватмана схемы каких-то хитроумных устройств и никогда, совсем никогда не ругал. Бывало, конечно, что Дашка косячила. Двойки приносила домой, например. Особенно по русскому и литературе. Тогда папа просто вздыхал и смотрел так грустно, что хотелось в лепешку расшибиться, лишь бы снова увидеть его скромную обаятельную улыбку.

Да, папа у нее был что надо. Лучшего папу во всем мире не сыскать! Но обратная сторона такого счастья проявила себя в универе.

Когда она была мелкая, ее спрашивали частенько, хотела бы она стать умной или красивой. Тогда Даша смотрела на своих напмаженных и раскрашенных сестер, понимала, что в той части ей ничего не светит, и говорила, что будет умной. Родители и гости смеялись.

Ну не зря молва призывает остерегаться своих желаний!

Универ она окончила с отличием, диссер защитила на ура, работу нашла без проблем, но в возрасте тридцати лет внезапно обнаружила себя старой девой, у которой в жизни не было и намека на отношения с мужчинами. На любовные отношения. Так-то они были, но исключительно приятельские.

– Дашка, мы пивка хлопнуть, ты с нами?

– Каэшна!

– Красава! Наш человек!

Одноклассникам, одноклассникам и коллегам по работе она неизменно и в два счета становилась «братушкой», а братушек не помогают даже по синьке. Даже если попросить «по-братски».

В общем, грустно стало, неожиданно появилось чувство, что она многое безвозвратно потеряла... И ни трое соплежув и тихий пьянчужка-муж старшей сестры, ни вечные сложности с противоположным полом средней не могли избавить Дашку от ощущения бесцельно прожитых лет. Она об этом, конечно, никому не рассказывала, разве что по пьяни, вечером в баре. Но всякий раз уже следующим утром, трезвая как стеклышко, она была сосредоточена на работе и наравне со всеми гоготала над сальными шуточками начальника отдела. А на душе

кошки скребли, и куда от этого деться, спрашивается? Не будешь же вечно заливать печаль? Или будешь?

Но внезапно пришла помощь. Откуда не ждали – от средней сестры.

Нинка уже год примерно таскалась на какие-то танцы, какие именно – Дашка не вникала, а тут систер заявила ей во время семейного сборища на мамин юбилей:

– У нас открытый урок будет в субботу, кстати. Не хочешь сходить?

– Ты чо, мать, – хмыкнула Дашка, – где я и где этот ваш поповерт? Ты ж знаешь, я по железкам больше.

– Угу, знаю. Так и помрешь старой девой с десятком кошаков...

– Ну, значит, так и помру... Только без кошаков. Мне собаки как-то больше нравятся.

– Ага, знаем-знаем. Ну ты все-таки попробуй, а? Разок сходишь, чего тебе стоит?

– Да я ж не умею плясать, ты чего...

– И не надо уметь. Там научат. На крайняк, будешь девчонок водить вместо мужика. Вдруг откроются в тебе такие наклонности хотя бы, а то мама думает, что ты у нас железный дровосек с просроченным сердцем... Боится, что никто тебе в старости стакан воды не подаст.

– Стакан, говоришь...

– С меня бутылка, если месяц отходишь!

– С этого бы и начала, – улыбнулась Дашка. – Заметано.

– Вот и чудненько! Я тебя запишу! – обрадовалась Нинка и выскочила из комнаты с телефоном в руках.

– Юбку-то дашь? У меня нет ни одной... – бросила Даша ей вслед.

Нинка не ответила, а из папиной комнаты раздалась звуки старенькой радиолы. Леонид Утесов пел про темную ночь и глубину ласковых глаз.

На душе сразу сделалось светло и томливо.

После армейки Санечек долго не мог сообразить, чем занять освободившееся время. Там, на службе, все было просто, каждый день по часам расписан, и за год службы тело само уже привыкло к режиму.

Сперва пытался жить по старой привычке на новый лад. В режиме «общага-универ-подработка-общага». Но быстро обнаружил себя отщепенцем среди однокурсников. В армейке ему куда проще было стать частью корабля, частью команды. К тому же крепкий деревенский парень обозначил для окружающих, что с ним не забалуешь. Это считывалось даже интуитивно на глубинном языке инстинктов, как у самцов крупных хищников, которым не обязательно калечить друг друга, чтобы понять, кто есть кто в этой саванне.

Александр был буйволом: зверем крепким и основательным, о такого легко сломает зубы не только шакал, но и лев-одиночка. Завалить его можно, но для этого нужна целая стая умелых охотников, а в Саниной роте организованных хищников не наблюдалось, посему служилось ему спокойно.

А после дембеля он сразу выпал из привычной среды обитания и попал в джунгли, существующие по другим, малопонятным ему правилам. И вроде бы всего вдосталь, но и свои проблемы имелись: то корни цепляли копыта, то ветки хлестали по глазам.

В общем, на гражданке Сане пришлось туговато. Он быстро сообразил, что буйволов немало на службе, а в городе они так редки, что едва ли могут образовать приличное стадо. Тут водились другие звери, в основном более мелкие, но пошустрее и похитрее.

Саня пробовал сдружиться с ними, но получалось плохо. Единственным, что могло смазать эти скрипучие контакты, было пиво, его любили и маменькины сынки, и хипстеры, и рэперы, и богема, и те, кто в той или иной степени совмещал в себе разные городские культуры.

Но пиво Сане быстро надоело. Одно дело – выпить бутылочку после тяжелого рабочего дня под футбол с друзьями, а совсем другое – нализаться до состояния бородавочника и рассуждать о сортировке мусора, арт-пространствах или девяти флюу какого-то эмси (что значат все эти слова, Саня представлял смутно). Тут ему нечего было кинуть в общую копилку, так что он лакал свое пиво молча и почти не хрюкал, пока окончательно для себя не решил, что такое бытие опустошает сознание. Ну или точнее, просто заскучал и забил на попытки влиться в тусовку.

Куда сильнее ему хотелось найти девушку, но с этим опять же были проблемы. В армии они заключались в банальном отсутствии женского контингента, а на гражданке – в видовых различиях. Кроме презрительно смеющихся над неуклюжим бычком мартышек, в джунглях было полно пестрых птичек, бабочек-однодневок, кошечек-охотниц, змеюк всех цветов и размеров, капибар и морских свинок, ядовитых лягушек, улиток, пираний, ленивиц и розовых дельфинов. Фауна была более чем разнообразная, но задачу это нисколько не упрощало.

В свободное от учебы и подработки в «Спортмастере» время Саня ходил на свидания. В основном в кино на скидочные сеансы – к финансам он относился щепетильно. К цветам относился формально, если дарил, то примерно на третьем свидании и, как правило, что-нибудь недорогое и без изысков. А на первом так и вовсе пытался разведать, с кем ему предстоит иметь дело, за чашкой кофе или даже в парке. Ну и большинство потенциальных возлюбленных срезались уже на этой зачаточной стадии отношений. Александр был молчалив и внимателен, а эти достоинства среди молодежи оценить могли немногие.

Если девчонка была болтлива сама по себе, то еще куда ни шло, но чаще посиделки в ресторанном дворике были удручающе унылыми: стесняющаяся всего на свете ровесница, вяло макающая в сырный соус картоху из макдака, скованный и простоватый Саня, время от времени пытающийся расшевелить ее какой-нибудь армейской историей или вопросом об учебе, облегченные выдохи, когда электронный голос наконец приглашал пройти в кинозал. А там темнота, хруст попкорна, бульканье колы из трубочки и попытки пойти на сближение, настолько неловкие, что аж в зубах свербило.

Сколько таких свиданий было у Сани за год учебы в универе – и не сосчитать. Чаще всего он честно пытался дать отношениям шанс развиваться, но его терпение почти никогда не вознаграждалось.

Он провожал девушку до дома или к общежитию, мило чмокал в щеку и на следующее утро писал что-то типа «привет, какие планы на вечер». Как правило, планы у девушки были, и почти всегда они не были связаны с ним.

Сашок был парнем прямолинейным, но не совсем уж тугим. Он понимал, что надо быть легче и естественнее, а не собой, как учили его товарищи по курсу, но поделаться ничем не мог. Он пробовал разные подходы: и тиндер, и быстрые свидания, но все без толку. Для тиндера у него была слишком прозаическая внешность – с таким среднерусским простоватым лицом сложно просочиться сквозь мелкое сито очень поверхностного отбора. На быстрых свиданиях вырисовалась аналогичная ситуация с поправкой на то, что там выделиться из толпы можно было красноречием и харизмой, но и ими Саня не успел разжиться. За целый год телефон ему оставила только одна дама слегка за сорок, но она давала его абсолютно всем, и самооценку это нисколько не поднимало.

Саня откровенно раскис, но своих однообразных попыток не оставил, хотя с каждым разом от него все сильнее разило безнадегой – запахом, способным отпугнуть почти любую женщину.

Однажды он возвращался с учебы окольными путями и увидел боковым зрением возле арки, ведущей в типичный питерский колодец, яркую рекламную вывеску, прикованную цепью к водосточной трубе. Вывеска приглашала окунуться в увлекательный мир аргентинского танго, обещала новых друзей и другие непривычные ощущения.

Саня, недолго думая, набрал указанный внизу таблички номер.

– Алло! – донеслось из трубки.

– Здравствуйте, я бы хотел записаться на открытый урок по танго... – начал он неуверенно.

– Отлично! – обрадовался женский голос, – как Вас зовут?

– Александр, – представился Саша.

– Очень приятно, Александр, а меня Юлия. Можно просто Юля. Скажите, суббота днем Вам подходит?

– Да.

– Тогда записываю Вас. Приходите, будем ждать!

Саня отключился и заглянул во внутренний двор рядом с вывеской. Там среди припаркованных машин, трансформаторных будок и закованных в решетки кондиционеров одиноко цвела белая сирень. Двор был закрытый, но в момент, когда он туда заглянул, легкий ветерок ласково взъерошил его волосы и поманил нежным цветочным ароматом.

– Я пойду на танго? – спросила Ксюша у мужа.

Не всерьез спросила, а так, по-женски подковырнуть – маленький укольчик или щипок, чтобы пробудить от спячки. В последние несколько месяцев она с грустью наблюдала затухание их семейной жизни. Она работала психологом, Леша руководил проектом в строительной компании. Оба постоянно были на работе, вечно в делах. Муж еще и в разъездах часто. Приходил домой поздно, с трудом стягивал с себя офисный костюм, плюхался на диван и жадно поглощал приготовленный Ксюшей ужин. Иногда он включал футбол, но чаще всего засыпал уже к перерыву.

Ксюша знала, что так сейчас живут многие семьи. Охотятся за каким-то мифическим благополучием в будущем. Но знала она и то, что начинается эта гонка с убежденности в ее скоротечности, а заканчивается разводом, депрессией, алиментами и разделом имущества. Поэтому, когда медовый месяц плавно скатился в день сурка, она начала беспокоиться.

Особенно ее беспокоило то, что и выходные ситуацию нисколько не улучшали. Ремонт, встречи с его друзьями, даже поход на стадион – чего только не сделаешь ради укрепления семьи! – не способствовали обретению взаимопонимания, зверя и без того полумифического, особенно в условиях большого города.

И Ксюша взялась за штурвал их семейной ладьи. А что делать, если муж прилип к веслам и гребет куда-то изо всех сил, не разбирая дороги? Так и о рифы разбиться недолго.

Стала искать в сети какое-нибудь совместное занятие и наткнулась на объявление о наборе в группу аргентинского танго. «Что же еще поможет разжечь затухающую искру?», – подумала Ксю и сразу же записала их обоих, а теперь щупала супруга на предмет ревности.

Но тот смотрел полуфинал Лиги чемпионов и противостояние «Челси» с «Барселоной» забрало остатки его оперативной памяти.

– Угу, – прогундел он и зачерпнул горсть фисташек из миски.

Вот и вся любовь, вот и все аргентинские страсти. Эх, недолго музыка играла...

– А ты со мной не хочешь?

– Когда? – спросил муж, не отрываясь от экрана, на котором Месси и Роналдиньо возили носом по газону «Стэмфорд Бридж» Джона Терри и компанию.

– В субботу днем... – медовым голосом ответила Ксюша, садясь к мужу на коленки и будто невзначай помещая в зону его видимости декольте. Мол, а такие трюки есть в арсенале у вашего Роналдиньо?

В этот момент чертов бразилец пару раз крутанул бедрами, пнул мяч и тот оказался в сетке ворот.

Леха аж подскочил и фисташки рассыпал от восторга. Ксюша – ноль, Роналдиньо – один...

Но Ксю была психологом и удар держать умела. Подождав, пока «Барса» начнет катать вату, она повторила свой вопрос.

– Не, в субботу не могу, – ответил Леха, – мы в баню с коллегами. Александр Витальевич, гендир, подрядчика позвал, нельзя пропускать.

– Ясно... – выдохнула Ксюша, – ну так я сама?

– Да-да, ты иди, потом расскажешь, чо как.

Ксюша посмотрела еще раз на мужа. Тот окончательно утонул в футболе. Она загрузила посудомойку и стиральную машинку, умылась, почистила зубы и ушла в спальню.

Из гостиной еще долго доносились Лехины восхищенные междометия. Роналдиньо в тот вечер был в огне.

Ксюша пролежала минут десять и поняла, что Морфей на встречу с ней не торопится. Включила торшер и взяла с полки Курпатова. «Рецепты хорошего сна». «Ну что, Андрей Владимирович, на Вас вся надежда...», – подумала Ксю и потянула ляссе.

Курпатов, и сам того не зная, не раз давал ей опору в непростые моменты. Так бывает иногда. Человек живет, трудится и при этом оставляет след в чужих жизнях. Причем глубокий след, основательный. Такой борозды не вспашешь, снимая ролики в тиктоке или выкладывая фоточки в инсте²⁰.

Вот и Андрей Владимирович так считает и уже в самом начале книги увещевает заблаговременно уложить спать и все свои гаджеты. Оно и правильно, одни нервы от них – жалкий суррогат общения! Перекинешься с мужем парой сообщений в течение дня, а за ужином и поговорить не о чем. Уткнулся в экранчик и тыц-тыц пальчиком в свой дурацкий твиттер. И плевать, что рядом живая женщина. Типа поженились, и все, пожизненная бронь.

Вдруг дверь в спальню тихонько скрипнула.

Ксю подняла глаза.

Неужели муж одумался и бросил свою сине-гранатовую бригаду добивать лондонцев без него?

Какое там... Это Ромарио. Не тот, что тоже бразилец, а их годовалый мейн-кун. Видать, почувствовал, что хозяйке грустно. Не то что некоторые...

Рома оглядел комнату синющими глазами, потянулся по-хозяйски и прыгнул на кровать. Прошелся по ней старательно, понюхал Курпатова и мягко положил на книгу рыжую пушистую лапу. Мол, в целом не против, но сегодня не стоит.

«Если тебе были нужны знаки судьбы, то вот один», – вздохнула Ксю и отложила книгу.

Она погладила Ромарио, и тот вытер мохнатой щекой зародившуюся в уголке ее глаза слезу. Свернулся калачиком под боком и замурчал раскатисто.

К окончанию матча Ксюша уже крепко спала.

Обычно среди десятка или около того Юлиных учеников половина имела проблемы с дисциплиной и почти все – с целеполаганием. Но Юля проблем в этом не видела. На самых начальных этапах обучения, думала она, не так уж и важно понимать, что именно тебе нужно от танго. Можно просто плыть по течению и глядеть, куда оно тебя вынесет. Как бы ни старался преподаватель, у каждого ученика свое русло. Кто-то наверняка захочет грести наперекор, кто-то осядет на дне и будет лежать кверху пузом. И объяснять, что подобное поведение контрпродуктивно, бессмысленно.

²⁰ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

Но в этот раз все пошло неожиданно хорошо: тренированное тело Гены быстро схватывало азы техники шага, контакта и баланса, мягкая и душевная Ксю, казалось, уже на первом уроке была готова обниматься, технический ум Дашки помогал ей прекрасно запоминать фигуры, а боевитый характер – быстро продвигаться в освоении обеих ролей. Саня с Аленой тоже старались не отставать. Их с чистой совестью можно было похвалить за упорство – тоже не последний инструмент в обучении, хотя часто недооцененный.

Были и нюансы, куда ж без них: Гена почти не слышал ритм и посредственно импровизировал. Запомнить связку мог, но исполнял скорее механически, творчества в его танце не хватало. Мягкость Ксю имела и обратную сторону – из-за нее она частенько обмякала и висла на партнере. Дашка, напротив, была чрезмерно жесткой, как и Саша, с которым она регулярно становилась в пару на уроке, чередуя практику с ним за девочку и практику с Аленой за мальчика. Алена, как ребенок, воспитанный планшетом, попросту плохо владела телом.

В общем, там, где у одного было достоинство, у другого – недостаток, и наоборот.

Зато все они старались изо всех сил и при этом улыбались, шутили и тем самым выдерживали саму Юлю из пучины житейских неурядиц.

Она понимала, что в последние годы частенько халтурила в других группах. Совсем немножко. Просто пускала какие-то вещи на самотек. Но с этой пятеркой все было иначе.

Она пыталась набрать в нее еще народу, но не задалось. То ли ее страх разбавить маленькую сплоченную банду инородными элементами просочился в действительность, то ли просто не судьба... Пятерка друзей так и осталась пятеркой.

Они гоняли чай в чилаут-зоне школы перед уроками, вместе покидали студию после уроков, ходили в кино и гуляли в парках. Звали и ее с собой, но муж, дети и вторая, она же первая, работа вынуждали Юлю отказываться раз за разом. Оставалось следить за публикациями в социальных сетях и завидовать. Завидовать их дружбе и тому, что и в танго, и в жизни все у них еще впереди.

На уроках с ними Юля растворялась в работе без остатка. В других группах случалось, она ограничивалась выдачей задания и контролем. Ну и отвечала на редкие вопросы. Но тут вопросы сыпались без конца, что не только не раздражало Юлю, а наоборот, заряжало силами. Ей казалось, что каждый из них – это ее шанс счастливым образом повлиять на судьбы хороших людей.

Но вложить в них все свои знания ей было не суждено. Так случилось, что через год владелец зала вдвое поднял арендную плату, и группа, которая и без того была убыточной, стала совсем уж непосильной ношей. С тяжелым сердцем Юля объявила ребятам о том, что группа упразднена.

Год спустя или около того пятеро друзей собрались в «Чито-Гврито» на Гороховой. В ресторане громко играла музыка с восточными мотивами, шумно веселились гости, проворно лавировали между узкими рядами официанты. Пахло вином, мясом на углях и свежим лавашом из тандыра.

Первой пришла Алена, она дорабатывала последние две недели в почтовом отделении неподалеку, а дальше ее ждала магистратура в Болонье.

– У нас столик на пятерых на имя Геннадия, – сказала она администратору на входе.

– Проходите, пожалуйста, за мной, – пригласила ее девушка и повела вглубь заведения во второй зал.

– Что-нибудь закажете сразу? – спросила она после того, как Алена разместилась в кресле.

– Саперави, будьте добры.

– Хорошо, сейчас принесем.

Через минут пять пришел Гена. У него всегда было все четко как в аптеке. Урок закончился ровно в полшестого, дальше полчаса на дорогу и вуаля.

– Привет, – кивнул он Алене и чмокнул ее в щеку. Он, в принципе, мог бы быть ее отцом по возрасту, но танго частенько замыливает такие вещи. – Остальные еще в пути?

– Ага. Я саперави заказала, будешь?

– Воздержусь, пожалуй. Ты же в «Касу» сегодня?

– Конечно!

– Ну вот, и я тоже. Еще оштрафуют за пьяное вождение, – улыбнулся Гена уголком губ. У обоих дзинькнули телефоны. Алена первой открыла их общий чат.

«Гайз! Опаздываю, простиииииите!» – писала Ксю. Слова сопровождала гифка со шрековским котом.

– Ксю опаздывает, – сообщила Алена Гене, который к своему телефону не притронулся.

– Ничего, милонга с девяти, еще успеем и поесть, и поболтать, – спокойно ответил он.

К ним подошла официантка.

– Здравствуйте, меня зовут Нелли, я буду вам помогать сегодня. Сколько вас будет?

– Здравствуйте, Нелли, – отозвался Гена, – нас будет пятеро.

– Хорошо. Желаете что-то заказать или мне подойти попозже?

– Мы Вас позовем, когда будем готовы.

– Хорошо. Приятного вечера!

– Спасибо, – кивнул Гена и повернулся к Алене. – Ты как?

– Волнуюсь немного. Страна новая, язык знаю пока еще не очень.

– Ну зато там будет танго. В Италии куча марафонов всяких, мужчин там больше, чем у нас – звездой будешь!

– Посмотрим, – мечтательно улыбнулась Алена. Она понимала, что из всей их компании ей танго давалось тяжелее всего. Да и на милонгах питерских она пока чаще сидела, чем танцевала. Но возражать не хотелось. Хотелось верить в лучшее.

Под окном раздался рев мотора.

– Это Дашка, наверное! – воскликнула Алена и выскочила из-за стола.

Возле крыльца и в самом деле припарковалась Дашка на своей «Ямахе». Едва она стащила с головы шлем, как на нее тут же налетела Алена.

– Привет! – завопила она и стиснула подругу в объятиях.

– Здорово-здорово, – улыбнулась Дашка и сдула с лица прядь волос. – Наши-то в сборе?

– Только Гена пока.

– А, пунктуальный йожик... – снова улыбнулась Даша.

– Ксю опаздывает, – доложила Алена.

– Тоже как обычно, – ухмыльнулась Даша.

– А Сашок? – спросила Алена.

– Обещал отпроситься сегодня, так что ждем.

Дашка с Аленой присоединились к Гене за столиком. Снова обмен приветствиями.

– С завода? – спросил Гена Дашку.

– А как же, – просто ответила она.

– В каком амплуа сегодня? – спросил он, имея в виду, будет ли Даша танцевать на милонге дамскую партию или, как это часто бывало раньше, примется спасать одиноких барышень.

– Сегодня я хамелеон, – улыбнулась Даша. – Взяла две пары туфель. Могу и тебя поводить. Мигни, если этого хочешь!

Она рассмеялась и заразила даже обычно серьезного Гену.

Тот улыбнулся, пусть и немного скованно, как бы против воли.

– А меня поводишь? – выдавила сквозь смех Алена.

– Каэшна! – Дашка приобняла ее за плечи и поиграла густыми черными бровями. – Этот вечер принадлежит нам, красоточка!

Алена «красоточкой» не была и понимала это, но слышать такие слова, пусть и в шутку, пусть и от немного угловатой, но такой душевной и родной Дашки, было приятно. Взгрустнулось, что теперь они не скоро смогут увидеться.

К столику подошла официантка Нелли и следом за ней Саня.

– Всем привет, – скромно улыбнулся он.

– Готовы сделать заказ? – спросила Нелли.

– Оставьте нам четыре меню, пожалуйста, – распорядился Гена и спокойно поднялся позвать руку младшему товарищу.

Дашка и Алена с обеих сторон чмокнули парня в покрасневшие щеки.

– Ну что, посмотрим, чем тут потчуют? – проговорил Гена, намекая остальным, что пора уже изучить меню.

Несколько минут все сосредоточенно листали ламинированные буклеты.

– А «ча-шу-шу-ли» – это что такое? – спросила Алена, читая из меню по слогам.

– Там же написано, – терпеливо пояснил Гена, – мясо, тушеное с овощами и приправами.

– Думаешь, это вкусно?

– Ну, если ты любишь мясо... – ответил инструктор по йоге.

– Я возьму! – сказала Дашка, – попробуешь у меня и если захочешь, возьмешь себе.

– Отлично! – обрадовалась Алена. – Я тогда хинкали закажу. А ты, Сань?

– Я, наверное, тоже хинкали... – рассудил Саша.

– Геннадий? – снова поиграла бровями Даша.

– Я... – Гена сосредоточенно перевернул несколько страниц, – буду эларджи, пожалуй...

– А что это? – спросила Алена.

– Кукурузная каша с сыром сулугуни.

– И что, никакая на свете сила не заставит тебя съесть кусочек мяса? – поинтересовалась Дашка.

– Разве что заградотряд с калашами, – невозмутимо ответил Гена.

– Надо Ксю что-нибудь заказать, – сказала Алена, – я напишу ей.

Она достала телефон и принялась фотографировать меню. Через минуту у всей компании завибрировали мобильники.

– Ты бы не могла отправить ей меню в личку? – попросил Гена.

– Ой, да, конечно! Сорян! – сконфузилась Аленка и оставила общий чат в покое.

Через пять минут перед ними опять возникла Нелли.

– Готовы? – коротко спросила она, словно у ребят был только один вариант ответа.

– Ну, давайте приступим, – согласился Гена. – Начнем с девушек.

Они заказали еды и бутылку саперави на всех.

Ксю не успела определиться, и Алене пришлось отпустить Нелли с блокнотом на кухню.

– Ничего, – пообещала Алена не то друзьям, не то себе. – Она приедет, обязательно.

– Конечно, куда денется, – поддержала ее Дашка. – Ты давай рассказывай!

– Чего рассказывать?

– Ну как, ты у нас без пяти минут итальянка!

– Да ладно тебе... Ребят, я уже скучаю по вам...

– Не пузырься, – взбодрила ее Дашка, – два года пролетят – не заметишь. Вернешься звездой к нам. Ну и каникулы, опять же. А может, и мы к тебе, – добавила она мечтательно, – на мотике... Что скажешь, Сань, поедем в Макаронию?

– С удовольствием! – загорелся Саня. – Только у меня-то нет мотоцикла...

– Ничего, я тебя приючу на заднем сидении, если усики свои сбросишь и приставать не будешь! – засмеялась Дашка.

Ей ужасно нравилось смущать стеснительного Саню.

Тот привычно покраснел.

Они еще долго визуализировали путешествие в Италию, пока не принесли еду. Минуты на три в беседе наступило затишье, и в уют их столика снова прорвались немудреные аккорды и гвалт соседей.

– А Ксю-то все не отвечает, – забеспокоилась Алена.

– Да уж... – согласился Гена.

– Может, муж не пустил? – предположила Даша. – Позвоню-ка я ей...

– Не стоит, – возразил Гена, – зачем вмешиваться в их отношения?

– Ну, мало ли что?! – отмахнулась Дашка, достала телефон, встала из-за стола и вышла на улицу.

– Едет, – сообщила она возвращаясь. – Погрызлись они, кажись. Ничего, пройдет... Девушка! Можно нам еще шашлык куриный? – обратилась она к ближайшей официантке.

Ксю приехала спустя полчаса. Вид у нее был усталый, но, хоть и вымученно, она улыбалась.

– Всем привет!

– Ксюшка! – обрадовалась Алена и вскочила обниматься.

– Все хорошо? – спросил Гена, когда вся компания, наконец, расселась.

– Да, – неопределенно ответила Ксюша, – нормально. Как обычно.

– Не пускал? – резко бросила Дашка.

– Ну да... Говорю же, как обычно... в последнее время.

– Ты ж говорила, ему пофиг? – спросила Алена.

– Поначалу было пофиг, а теперь вот не пофиг.

– Так тащи его в танго! – предложила Дашка.

– Какое там... – взгрустнула Ксю. – Пробовала, и не раз. Занятые мы и важные, видите ли. Не до танцев нам.

– Ну и чего? – нетерпеливо воскликнула Алена.

– Ну, ушла я... Типа по-английски...

– С концами, что ль? – изумилась Даша.

– Не знаю... – растерянно развела руками Ксю.

Казалось, она вот-вот готова расплакаться. И девчонки в любой момент были готовы ее обнять.

– Так, ладно. Не будем о грустном, – уверенно скомандовал Гена. – Сегодня «Каса»! А там, глядишь, образуется все как-то. Аганова за пультом!²¹ Огнище будет!

– Да! – вновь оживилась Дашка, – Ольчик выбьет из тебя всю грусть-тоску! Ну-ка, подставляй стакан! Девушка! А принесите нам еще бутылочку!

И они просидели до десяти. Так хорошо сидели, что и уходить не хотелось. Но «Каса» и Аганова за пультом – это серьезная причина подняться со стула. Рассчитались, собрались и покатались гурьбой по Гороховой. Свернули на Садовую, там вдоль сомнительного вида подвальных магазинов, мимо лавок с палеными чехлами для айфонов и грошовыми наушниками ноги сами привели их к непримечательной арке с уютными ламповыми буквами «Студия танца». Поднялись по шербатым ступеням на площадку с открытой галереей, свернули сразу налево, в первую же дверь, и прошли строем мимо жующей сухарики бабули-консьержки.

– Здравствуйте! Добрый вечер! – произнес жизнерадостно каждый из них, источая ароматы предвкушения праздника и саперави.

²¹ На милонге практически всегда работает диджей. Суть его работы в танго отличается от работы диджея в общепринятом понимании. Подробнее о работе диджея именно в танго будет написано далее.

– Добрый вечер, – консьержка строго ответила всем одним махом, не отрываясь от телевизора. Там показывали какой-то старый сериал из девяностых.

Чугунная лестница винтом, отдаленные звуки музыки и запертые двери мелких фирмочек: пошив одежды, фотостудия, свадебные платья, турфирма... Наконец и она, школа танцев «Casa Latina», в которой уже больше десятка лет жила старейшая милонга Питера, а возможно, и всей России.

Девушка за стойкой регистрации приветливо улыбнулась, глядя на их развеселую компанию.

Они развесили куртки, нацепили бахилы, обилетились и поднялись еще выше в полутьму, мимо колоритных статуй африканцев, музыкальных инструментов и грамот с кубками, к приглушенному свету под крышу мансарды с круглыми окнами, голыми балками и вентиляторами.

Народу уже была полна коробочка. Смех и болтовня почти перекрывали музыку. Те, кому не случилось выйти танцевать, толпились у бара, пили воду и просто сидели на длинном диване вдоль одной из стен.

Они ввалились и не переодеваясь пошли обнимать сосредоточенную Аганову.

Та пальцем скомандовала паузу и только спустя секунд пять с широкой улыбкой нырнула в их объятия.

Юля сидела у барной стойки и потягивала шампанское. Она пришла на милонгу три танды назад и пока не потанцевала. Народу было много, но большую часть она не знала, хоть бывала тут каждую пятницу – положение преподавателя и столпа общества обязывало.

Тут почти как в чиновничьей среде – куча неписаных правил и условностей. Может ли она, Юля, преподаватель танго с более чем десятилетним стажем, провести пятничный вечер за бокалом вина и хорошей книгой? Может. Но если будет злоупотреблять таким отдыхом, то весьма скоро ее имя и облик выветрятся из памяти легкомысленной публики, и тогда станет еще сложнее собирать народ на мастер-классы, а ученики ее школы рано или поздно зададутся вопросом: имеет ли право учить их та, кто сама не слишком частый и желанный гость на милонге? Вот и приходилось держать марку.

Но сегодня делать это было несложно. За пультом Аганова, и зал трещал по швам от развеселого народа. Плыть в потоке радостного возбуждения легко и приятно, осталось только дойти до нужной кондиции.

– Тебе повторить? – очень кстати спросил Мишка, касовский бармен.

Как чувствовал.

– Да, пожалуйста, – согласилась Юля. – Народу сегодня прорва!

– Так Аганова... – пожал плечами Миша. – Тебе льда добавить?

– Немного. И шоколадочку какую-нибудь, если можно.

– Сделаем.

Пока Миша открывал новую бутылку брютта, Юля почувствовала на себе пристальный взгляд. Кто-то хочет ее пригласить. Такие вещи за годы практики она научилась определять безошибочно.

И точно – под сводом у лестницы оперся о кирпичную стену Юрка, давний приятель и неплохой партнер. Он выглядывал из своего укрытия, словно охотник, но Юля понимала, что дело тут как раз в обратном – он прятался от нежелательных взглядов и целиком фокусировался на ней. Надо было идти плясать.

Конечно, откажи она ему, тот бы не обиделся. Они давно знакомы и не раз болтали за чашкой кофе в общих компаниях и даже наедине, после практик и мастер-классов. Юра пони-

мает, что нежелание танцевать в конкретный момент не всегда означает нежелание танцевать с конкретным человеком.

Но если упустить момент, можно на всю милонгу прирасти к стулу. Сидеть так весь вечер, слушать музыку, любоваться игрой света в бокале, мелькающими на танцполе ногами и особенно лицами. Там есть на что посмотреть!

Танго непростой танец, в особенности для партнера: нужно одновременно следить за дорожной ситуацией, обнимать женщину, следовать ритму, пытаться как-то интерпретировать музыкальные акценты... В общем, чаще всего сил на притворство не остается, и с большинства сваливаются маски.

Чего тут только не увидишь! И пошловато ухмыляющиеся рожи дорвавшихся до юных и прекрасных дев, и сосредоточенные лица покорителей интегралов, и придурковато-возвышенные лики, и откровенно скучающие... И все без какой-либо привязки к возрасту, профессии или социальному статусу. Танго отбрасывает людей к заводским настройкам.

Эти мысли пронесли в Юлиной голове, пока Юра продирался по краю танцпола к барной стойке.

Но вот он уже рядом. Протянул руку и вытащил ее из задумчивости.

Играло что-то бодрое и маршеподобное. Кажется, Rodolfo Biagi. Аганова раскачивала народ по полной, готовила к своему любимому Pugliese.

Они встали в пару, и прежде чем закрыть глаза и целиком доверить Юре управление парой, Юля увидела знакомую аккуратно причесанную голову. По лестнице, ведущей в зал, поднимался Гена, ученик из ее любимой группы. За ним следовала Ксюша, Даша, Саша и, наконец, Алена.

«В сборе вся шайка, – улыбнулась про себя Юля, – Жаль, конечно, что пришлось отпустить этих птенцов в чужие края. Но хоть на крыло подняла, собрала в стаю. Тоже хорошо».

Мысли щекотали ее недолго – уж что-что, а обниматься Юра умел. Не прошло и половины мелодии, как Юля целиком выпала из окружающего контекста и растворилась в текущем моменте. Если бы в этот самый момент ее кто-то спросил, каково танго на ощупь, она не задумываясь бы ответила, что танго ощущается как любовь.

Только спустя две танды Юра проводил ее, практически выпавшую обратно к барной стойке, где собралась пятерка друзей.

– Вискарика мне и этому скромному и обаятельному юноше, – заявила Дашка, опираясь на Санино плечо.

– А мне шампусику, пожалуйста, – промурлыкала Ксюша.

– И мне, – поддержала ее Алена.

– А мне квас, – отозвался Гена на вопросительный взгляд бармена.

Сделав заказ, они повернулись к танцполу и увидели Юлю.

– Так, так! И что это мы все пляшем и пляшем? А поздороваться? – наигранно уперла кулаки в бока Дашка.

– Юлька! – воскликнула Ксюша и кинулась обниматься.

– Ну вот, все испортила, – с ухмылкой отчитала Даша Ксю, – опять фальстарт! Сколько раз эта мудрая женщина учила тебя хранить достоинство! Ладно, – сказала она уже Юле, – раз уж терять нечего, иди ко мне, моя несравненная!

Алена подскочила к обнимающимся Юле с Дашкой, ввинтилась рядышком, обняв обеих за талии и, пытаясь перебить музыку из динамика, крикнула парням, обернувшись через плечо:

– А вы чего стоите? Идите к нам!

Саня с улыбкой присоединился к коллективному объятию.

– Да мы просто не хотели вам мешать... – начал было Гена, но Дашка его оборвала:

– Не нуди давай! Иди уже сюда!

Со стороны они, наверное, были похожи на поредевшую футбольную команду перед матчем. Только вместо гимна Лиги чемпионов из динамиков звучал чистый и светлый голос Альберто Марино:

De mis páginas vividas, siempre guardo un gran recuerdo
Mi emoción no los olvida, pasa el tiempo y más me acuerdo.
Tres amigos siempre fuimos
En aquella juventud...
Era el trío más mentado
Que pudo haber caminado
Por esas calles del sur.²²

– Годится? – улыбнулся Женя, закончив историю.

За окном все так же не было намеков на скорое продолжение путешествия. Окружающие, казалось, смирились с постигшим их безвременьем и даже успели обжиться: то тут, то там вскрикивали и носились дети, шипели кофемашины в кафешках, люди переговаривались, кто вполголоса, а кто и громче.

– Сойдет под винишко, – усмехнулась Алиса.

– Ладно, раз так, значит, моя очередь задавать вопросы. Милонги? Частники? Чемпионат? – набросал он несколько предположений.

Девушка вместо ответа рассмеялась.

– Чего? – спросил он с недоумением.

– Да так, про чемпионат кое-что вспомнила.

– Так, вечер перестает быть томным. Сгоняю за догоном?

– Пожалуй.

– Но сначала ответь. Зачем едешь?

– А тебя не сбить с курса, да? – улыбнулась Алиса.

– А то!

– Если честно, я не так-то давно танцую, – внезапно засмушалась Алиса, – какие конкурсы?

– Отчего же? – даже удивился Женя. – Молодая, симпатичная, явно не робкого десятка.

– Конкурсы – это не совсем про меня, не про танго, – неожиданно строго заявила Алиса.

– Ого как. Требую пояснений, – заинтересовался Женя.

– Мне этих соревнований и в жизни хватает. Это раз. А потом, мне один дядька, в Сит-жесе, кстати, где мы с тобой не познакомились, объяснил про танго кое-что важное. Ну что ты смотришь так?

– Рассказывай, мне правда интересно, просто вспомнилось тут.

– Что вспомнилось? – Алиса уже начала предвкушать историю.

– Ты первая, – с напускной строгостью ответил Женя.

– Ладно, в общем суть лекции, которую мне прочел тот дядька, заключалась вот в чем: танго для людей изначально было хобби, формой досуга. Типа есть у тебя бар любимый, куда ты каждый вечер заходишь выпить бокал или чашку кофе, место, где ты переключаешься, и там ты можешь быть любым, там неважно, кто ты по жизни. Так же и с танго – на милонгу приходишь провести время, это место, где есть твои люди. Можно выпить, можно потанцевать, но, главное, ты приходишь не танцевать, а именно быть там, провести время. Тогда случившийся танец будет в кайф всегда. Делать из этого агрегатор медалек и ачивок – это как-то странно. И вообще,

²² «Tres amigos» – Anibal Troilo & Alberto Marino.

самоуверенному латиносу не нужны чьи-то там подтверждения собственной крутости. Да что ты так удивленно смотришь?

– Да я силюсь вспомнить, кто из динозавров был тогда в Ситжесе и мог передать тебе эти сакральные знания. И самое интересное, почему тебя это вообще тронуло.

– А что такого-то?

– Ну, такое не все взрослые танцоры понимают...

– Ну и что, что я была трепетная начинашка? – деланно возмутилась Алиса. – Может, именно потому я и поверила.

Женя примирительно улыбнулся.

– Давай тогда выпьем за этого деда.

– Хорошо, но потом твоя история. Она ведь про конкурсы?

Почем золото для народа?

– Мне надо в Москву прошвырнуться по делам. С заказчиком встретиться, – сказал Рома Наташе за завтраком.

– Я с тобой, – расплылась Наташа в улыбке, намазывая арахисовую пасту на тост. – С Никой и Динарой встретимся, на Патриках потусим. А вечером в «Планетапок»! Ладушки?

– Не вопрос, – отозвался муж. – Со мной на шестичасовом, – он коварно ухмыльнулся. Знал, что, уволившись из офиса, супруга редко просыпается раньше девяти.

– Ла-а-а-дно... – протянула Ната, – но с тебя кофе в термосе!

– Нет уж, в Москве попьешь. А в «Сапсане» лучше поспим.

Жена якобы скуksилась, но Рома за пять лет семейной жизни так хорошо изучил все ее повадки, что его этим приемом было уже не обмануть. Уголки его губ поползли вверх – приятно раскусить мелкого жулика.

Наташа тоже не теряла времени в браке и хорошо знала, что мужу приятно видеть ее разной, и веселой, и хмурой. Знала и то, что если немного поиграть в капризную принцессу, супруг с удовольствием, но плохо отыграет партию строгого папаши. Ему нравится думать, что он ее раскусил, а ей нравится подкидывать ему поводы так думать.

– Возьми билеты, я побежал, – Рома отхлебнул кофе из красной кружки с оленями и встал из-за стола.

– Мусор захвати! – кинула ему вдогонку Наташа.

– Ла-а-а-дно... – протянул Рома и вернулся на кухню.

– Ты ничего не забыл? – спросила его жена, картинно поставив щеку.

Рома улыбнулся, чмокнул ее, сгреб пакет с мусором и вышел.

Поспать в поезде не удалось, несмотря на ранний подъем. Синий свет экранов сбил весь настрой. Ребята зевали, тупили в соцсети, читали новости и не заметили, как по громкой связи сообщили о прибытии в Первопрестольную.

Прямо с вокзала они сели по разным такси. Рома укатил в Москву-сити на деловую встречу, а Наташа на Малую Бронную, в «Пино» на встречу с подругами.

День для обоих прошел сумбурно, в разговорах ни о чем.

Рома проторчал не меньше часа под дверью большого дяди с деньгами, выпил три чашки мерзотного офисного кофе, взбодрился, поболтал о какой-то ерунде с дядиной секретаршей, затем долго распибался перед ним самим, нахваливая преимущества своего проекта.

Дядя слушал вяло, кивал время от времени. То ли из вежливости, то ли трясучка его мучила. Вопросы задавал вроде бы невпопад, но Рома понимал, что таким образом дядя щупает не проект, а его самого. Старый барсук решает, можно ли с Ромиком иметь какие-либо дела или не стоит.

В итоге ударили по рукам, но опыт подсказывал, что это вовсе ничего не значит. Всегда найдется подходящий форс-мажор, если барсук найдет себе бизнес-партнера поинтереснее.

Наташа выслушала нытье Ники по поводу очередного, не пойми какого по счету, мужика и бодрый рапорт Динары о продвижении бизнеса. В этот раз подруга открыла шоурум с палеными шмотками. Не в смысле, что одежда была спасена из пожара, а потому, что все ее «Гуччи», «Живанши» и «Диоры» были сшиты руками маленьких китайских ребятишек. Как, собственно, и настоящие брендовые вещицы.

– Так что разницы сейчас вообще никакой, – объяснила Динара.

Качество, по ее словам, было «пуля в пулю», а ценник вдвое меньше. Паль бойко сметали с виртуальных полок и те кумушки, что мечтали пощеголять в одежонке с нашитыми звучными заграничными фамилиями, и те, кому просто глянулись какие-то конкретные кеды и платья, а переплачивать за эти самые фамилии совсем не хотелось. Благодаря их бережливости, за последний год Денежка, как называли ее подруги, неплохо так взлетела.

– Сегодня угощаю, – заявила она и сладко потянулась. – Можете ни в чем себе не отказывать.

Подруги нахмурились. Одной частью они за Динару, конечно, радовались, но другой завидовали и ее предприимчивости, и независимости, и той легкости, с которой она порхала по жизни.

Наташе поведать было нечего. На личном фронте у нее было все тихо и пасторально. Она была счастлива с Ромкой, но никаких головокружительных историй в духе «Секса в большом городе» у нее давно уже не было. Как и бурлящей карьеры... Выйдя замуж за идущего в гору молодого бизнесмена, она уволилась с работы и сосредоточилась на делах домашних и семейных. Ну и фрилансила понемногу, рисовала дизайны интерьеров для среднего класса. О таком не расскажешь взахлеб, обдавая подруг слюнями восторга.

На какой-то миг ей стало немного обидно из-за того, что жизни подруг похожи на бойкие извилистые горные речки, а ее – на тихое, безмятежное и сонно-ленивое озеро.

С другой стороны, Нику постоянно трясло от кульбитов личной жизни. От пороссячих визгов к полнейшему упадку и краху надежд за пару дней? Легко. Даже за один. Просыпаясь утром в объятьях очередного знойного бородатого самца и готовя ему яичницу, она вполне могла уже к вечеру разругаться с ним до «развода и девичьей фамилии». Такие американские горки, может, и бодрят, когда ты юная и прогрессивная студентка элитного вуза, но всем троим уже было к тридцати. Сумеет ли Ника остепениться, возникни у нее такое желание? Вопрос... Надолго ли хватит ей здоровья литрами пить коктейли и скакать из постели в постель? Тоже вопрос. А что будет, когда ей стукнет сорок, пятьдесят? Уже сейчас вокруг полно нашпигованных гормонами малолеток...

У Денежки были свои заморочки, хотя вытянуть из нее жалобы мог разве что психотерапевт, которого она с завидной регулярностью посещала. Ее хоть и не бросало вверх-вниз, но зато вагон несло с такой скоростью, что картина за окном сливалась в абстрактную мазню. Вся ее жизнь была расписана по часам от и до. Утро со смузи и тостами, фильтр-кофе за деловым разговором, фитнес-клуб со штангой и ягодичным мостиком, посты в инстаграм²³ с фотографиями продукта и какими-нибудь в меру заумными текстами, обеды с бурым рисом и лососем, запись подкаста и кальмаровый салат на ужин, стопятысот сообщений в минуту в пяти мессенджерах, тайм-менеджмент, звонки и календарь. Съёмки, монтаж, дрессировка девочек, продающих шмотки. Интересно, а свидания у нее тоже запланированы и расписаны по минутам? С восьми до одиннадцати в пятницу между посиделками с подругами в баре и вечерним сном. О чем она говорит со своим мозгоправом? Об эмоциональном выгорании? Тщетности бытия? Одиночестве?

Нет, такой жизни Наташа тоже не хотела. Уж лучше тихонько грести в своей мирной лодочке бок о бок с любимым по сверкающей водной глади, слушать тихий шелест волн и по-кошачьи жмуриться под ласковым солнцем. Болото, говорите? Пусть будет болото. Ква.

И все-таки иногда сонную негу хотелось разбавить. Но как?

²³ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

Перед милонгой пересеклись во вьетнамском кафе с московскими товарищами Ингой и Славиком. Заказали том ям, фо бо и удон.

– Что там по музыке сегодня у вас? – спросил придирчивый Рома у москвичей.

– Сегодня у нас Антонова, – ответил Славик.

По его лицу было неясно отношение к персоне диджейки, и Рома решил уточнить.

– И как она?

– Ну, норм в целом. Иногда может уйти в пасьон, но такое случается нечасто. Иногда в ванильные сопли.

– Ну, эт ничего, – улыбнулся Рома, – для нас, болотных жителей, в самый раз. Это вы тут скакать любите под свой танго-рэп. Зачем вообще нужен диджей, когда можно просто поставить подборку Д'Ариенцо с Эчагуэ?

Этот вялотекущий спор о том, какая музыка лучше, более энергичная или более лиричная, давно выродился из горячих дебатов в дежурные подколы, которые забавляли обоих приятелей.

– А что вы скажете о выступанах? – спросила Наташа.

– Мальчик прекрасен, – коротко охарактеризовала Инга, – а девочка – бревно бревном. Pro-am²⁴ в самой стремной форме.

– Ладно, проведем бар, что уж... – философски отметил Рома.

– Ага. Только предупреждаю, что в очередной раз задрали ценник...

– Что, опять? – удивился Рома. – В этот раз чем мотивируют?

– Говорят, пол новый стелить будут.

– Так то будут...

– Это еще что, – улыбнулся Славик, – они еще клич кинули в фейсбуке²⁵, говорят, мол, помогите нам, други добрые, пол постелить. Кто чем сможет. Деньгами, руками...

– Ай, молодцы какие! – восхитился Рома.

– Не то слово! Не удивлюсь, если после замены пола они еще и в плюсе окажутся. Вот как бизнес надо делать, а не эти ваши кредиты с инвесторами! Это все для лохов!

– А есть альтернативы? – спросила Наташа.

– Есть, – ответил Славик. – Можно в парке погулять. В кино сходить, в рестик. Культурная программа, опять же. В Новой Третьяковке выставка кинетического искусства, говорят, интересно.

– Да я про танго, – улыбнулась Ната.

– С танго все сложнее. Есть еще милонга, но это на выселках. Народу мало и в основном новички. И диджеи обычно... Ну, такое...

– Значит, в «Планетапок»? – взгрустнул Роман.

– Третьяковка тоже отличный вариант, – улыбнулся Славик. – Ты подумай. Выставка скоро уедет, а «Планетапок» будет жить, пока не загнется танго в Москве.

Рома на секунду завис. Видимо, всерьез размышлял о возможности выбора в пользу культурной программы.

– Давайте все-таки на милонгу, – вмешалась Наташа, – плясать охота. А на выставку как-нибудь в другой раз. Не эта, так другая.

Они неплохо посидели и на милонгу пришли часам к десяти. Скрипя зубами расплатились с наигранно доброжелательной барышней на входе и нырнули по раздевалкам.

²⁴ Пара из профессионального танцора и ученика.

²⁵ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

Увеличение стоимости входа мгновенно взрастило в РOME притязательного критика.

– Раздевалка все та же, ничего не поменялось, – произнес он, отодвигая плотную серую ширму.

– Так кроме цены ничего не изменилось, – отозвался Славик. – Не ищите отличия, их тут нет.

– Но увеличение цены на треть?! – возмутился Рома.

Славик улыбнулся, пожал плечами и выудил из сумки танцевальные туфли.

Парни переоделись шустро и отправились занимать столик.

Самые лучшие из них, те, что у всех на виду, были зарезервированы выступающей парой и их свитой. Они в начале милонги пустовали. Остальные тоже разобрали, и большинству посетителей милонги оставалось либо испытывать удачу в попытках усесться на один из немногочисленных диванов, выставленных за линией столиков, либо смириться и за четыреста рублей топтаться весь вечер у кулера на своих двоих. А свита выступанов явится часам к одиннадцати, плюхнется за столик с табличкой «Reserved» и будет лакать шампанское. За напитки эти ребята, может, и заплатят, но это не точно, а вход для них будет свободным, в этом уже нет никаких сомнений.

«Старая добрая кастовая система на новый лад», – подумал Ромик.

«Наверное, оно так везде», – продолжил он размышлять, блуждая взглядом то по танцполу с немногочисленными в начале милонги парами, то по залу, где занятые места обозначались сумками, свитерами и прочими предметами гардероба.

Они со Славиком разделились. Тот шерстил столики по левую сторону зала, Роме досталась правая.

«Взять хотя бы фитнес-клуб какой-нибудь, – рассеянно думал он, – там иные бизнесмены махнули рукой на конспирацию и без затей облачили обслуживающий персонал в цвета, соответствующие их функциональным обязанностям. Бойцам гири и штанги – маскулинный красный, труженикам ведра и швабры – коричневый. Цвет той субстанции, которую им надлежит искоренять. Ну, чтоб сразу стало ясно. Все и всем».

Вообще-то, Рому такое положение вещей тяготило не слишком сильно. Вершиной его человеколюбия была ежедневная утренняя гримаса белого господина при встрече с трудолюбивым шудрой из Средней Азии. Быть может, его улыбка и «здрасьте, доброе утро» были нужны бедняге, как седло жуку, но Рома привык казаться окружающим милым, не обременяя себя при этом чрезмерными проявлениями доброты душевной.

В этот раз ему еще и повезло: в самом дальнем конце зала, в неприметном темном углу, отыскался свободный столик. Он тут же захватил его и принялся глазеть по сторонам.

Вскоре к нему за столиком присоединился Слава. Музыка, болтовня и множество мелькающих юбок быстро проветрили Ромину голову.

На танцполе между тем было оживленно – отсутствие внятной альтернативы делало свое дело. Как это принято говорить в подобных случаях, мышки плакали, но кактус кушали, и вечер стремительно набирал обороты. А вот что касается юбок, то осуждать Ромика не надо, он был примерный семьянин и выгуливал чужих женщин исключительно под присмотром собственной и в строго определенных дозах, негласно признанных их ячейкой допустимыми. Женщин он любил, спору нет, но перешагнув тридцатилетний рубеж и переобнимав их столько, что самому Казанове не снилось, понял, что все они не стоят той одной-единственной, которая все это терпит. Пришел бы он к такому выводу без такого богатого тактильного опыта – бог весть, но в строго формальном смысле судьбу он не искушал и верность Наташе хранил почище любого монаха.

Кстати, вот и она, любимая. Наташа с Ингой успели зацепить по коктейлю и стояли перед входом на танцпол, сканируя пространство в поисках своих мужей.

Рома буквально кожей почувствовал присутствие супруги. Так был всегда, на милонге, в аэропортах или на вокзале, например. Как такое возможно, не знали оба. Видимо, это было где-то за пределами разумных объяснений. Впрочем, они эти объяснения не искали.

Опытным взглядом милонгера он нашупал Наташино внимание, и та почувствовала его взгляд сразу же.

Улыбнулась и потянула Ингу за локоть. Мол, все хорошо, мужчины добыли места и сидят, стерегут. Обе подружки неторопливо направились по краю зала к столику, на ходу потягивая коктейли с зонтиками.

Когда музыка внезапно стихла и в центр вышел организатор милонги с микрофоном, их компания успела потанцевать только между собой. Сначала Рома с Наташей и Славик с Ингой, потом махнулись парами. Пересидели сомнительные милонги оркестра Бьяджи и разойтись в свободное плавание не успели.

Молодой и обаятельный мужчина с повадками шоумена зычно объявил диджейку.

Ей достались однородные сдержанные аплодисменты, означавшие, что работает она без провалов, но и без особенных взлетов. На представление выступающей пары большая часть народу не обратила внимания. Кто-то ушел за виски с колой к бару, кто-то отправился в уборную поправить прическу или сменить рубашку. Многие просто болтали. Кто мог – с другом или подругой, кто не мог – ногой в воздухе.

Стайка девиц из пяти особей или около того истово хлопала и топала каблукками. Несколько надменного вида дамочек в вечерних платьях тоже хлопали, но более сдержанно. На их лицах застыли лицемерные гримасы, которые должны были символизировать улыбки. Их партнеры лениво потягивали шампанское: «Мы бы и рады похлопать, но руки заняты...».

Выступаны, высокий статный красавец-блондин и тоже высокая, но угловатая девица, держась за ручки и ослепляя стразами и отбеленными зубами, вышли ко всей этой публике, несколько раз поклонились, разошлись метров на пять и замерли в патетических позах, словно изваяния римских или греческих богов.

Затем парень кивнул диджейке, и зал наполнили оглушительные раскаты позднего Pugliese.

Про эту музыку весьма образно высказался как-то Славик на одной из посиделок перед милонгой:

– Ну, это когда ты копаешь могилу близкому человеку, весь такой в слезах и соплях, закапываешь его, потом передумываешь, откапываешь, снова плачешь и затем ешь его или ее, чтобы навсегда быть вместе. И тоже плачешь. От счастья, что он или она будут с тобой всегда, но и от омерзения из-за своего поступка.

Наташа тогда поморщилась, представив себе все описанное, а Рома долго смеялся.

Шоу началось, и первые секунд десять выступаны томно и загадочно шли друг другу навстречу.

– Время тянут, – издевательски прокомментировал Славик.

Все четверо ухмыльнулись.

Дальше последовало то, что Рома для себя окрестил обзорной экскурсией по шагам и фигурам аргентинского танго. Богатый танцевальный опыт бывшего бального танцора в сплаве с тяжелым трудом помогал сократить срок прохождения мучительного пути проб и ошибок. То, чему среднестатистический человек учился с десятков лет, эти ребята осваивали обычно за пару-тройку. Вот и теперь всего за одну мелодию зрителям были представлены все известные вариации хиро, саккад, болео, крестов, баррида и ганчо. Было ли что-то упущено в этой презентации? Если да, то немногое.

Парень двигался пластично, крутился волчком, гарцевал мелким бесом, а его лицо искажала такая гримаса, что непосвященный человек легко мог предположить, что обладатель этой

физиономии умножает восьмизначные числа в уме – человек с невидимой бельевой прищепкой между бровей.

Его партнерша в это время всеми силами старалась не растянуться на полу во время очередной фигуры высшего пилотажа. Даже непосвященному человеку было очевидно, что опыта в танцах у нее куда меньше, зато было желание надеть платье с блестками и похвастать перед народом длинными ногами.

Рома смотрел на это все и думал: «Нет, ну молодцы, конечно. Вон какие вензеля накручивают! Я-то из этого половины не умею. А из того, что умею, половину делаю кривенько, это все понятно. Но почему я ему не верю? Вот старается человек, из штанишек выпрыгивает, а я вместо танцующего мачо вижу стахановца в забое. С тем же успехом тут мог бы распинаться официант, жонглер или детский аниматор. Ну, то есть самому мне, наверное, не дано, но и в искренность предложенного этим тружеником Терпсихоры не верится от слова совсем. И в это самое время на другом полюсе планеты танго не перевелись еще пенсионеры, которые пусть и не могут так лихо скакать, способны приковать внимание к каждому шагу, каждому микроповороту, паузе или ускорению. И ты веришь им всем сердцем. В чем тут секрет? В том, что они морально созрели танцевать эти фигуры или в иной композиции танца? Или в их отношении к музыке, партнеру и тем движениям, которые все это выражают? Это примерно как с любовью... Почему мы верим в любовь собаки и зачастую не доверяем своим половинам? Для человека ты можешь быть главой в жизни, страницей или вовсе абзацем. Для собаки ты вся жизнь. Так и тут. Для бальников в отставке обычно нет разницы между танго, хастлом или бачатой. Для них это еще один способ заработать на хлеб, а для старого милонгера – вся его жизнь».

У Наташи в это время был свой внутренний монолог. «Вот ведь люди делом занимаются. Учат чего-то, выступают... На чемпионате наверняка плясать будут, все такие блестящие, костюмы и платья с иголочки, проборы, запонки и блеск начищенных туфель. А мы чего? Годами ходим на милонги, а толку? Ни школы своей, ни медалей. Друзья просят показать, как танцуем, а показывать-то и нечего. Не практики же, в самом деле, где мы в трениках неуклюже ковыряем какую-нибудь мудреную фигуру? Или видео с милонг, где мелькнут наши спины разок в толпе? Да и там оба погружены в свои мысли... Ромка думает только о том, как увести пару от столкновений, никаких зрелищных штук не предлагает. А душа нет-нет да попросится вразнос. Хочется иногда махнуть, что ли, ногой так, чтоб от ушей! Но нельзя. Каблуки, говорит муж, – это не роскошь, а средство повышенной опасности. А что в итоге? В итоге никакого развития, все одно и то же. Мило, уютно, конечно, но надо же иногда и встряхнуться...».

После милонги они сидели в круглосуточной кофейне и тихо ждали открытия вокзала. Вдвоем сидели, Инга со Славиком на такси укатили домой.

– Может, в чемпионате каком-нибудь поучаствуем? – предложила Наташа.

Рома чуть не поперхнулся капучино.

– Ты чего это вдруг?

– Да так, хочется чего-то...

– Платье вечернее выгулять? – вяло подколот муж.

– Ну почему сразу платье? Вот мы все ходим и ходим на эти милонги, и что? Никакого развития. А так хоть подготовимся. Вдруг выиграем чего-нибудь?

Рома взглядом показал презрение к этой затее. Смеяться над женой сил не было. Четыре утра как-никак.

– Ну что мы там выиграем, – сказал он. – Там уже до начала турнира все медали расписаны. Неважно, кто как станцует, судьям уже разослали на почту таблички с оценками.

– А ты пробовал? Только и знаешь, что критиковать, хоть бы раз сам что-нибудь попробовал!

– Да когда мне? Я работаю вообще-то...

– У тебя всегда так! – завелась Ната, – «Помой посуду, дорогой» – «Я работаю», «Давай ремонт сделаем?» – «Я работаю». И так вся жизнь проходит. Ты на работе, я дома. Пришел, поел, лег спать, ушел. Тут-то чего? Ты ж и так танцуешь! Когда мы в последний раз делали что-то вместе?

– Ну как же, – по-кошачьи потянулся Рома, – не далее как позавчера...

– Ты серьезно?! – взорвалась Наташа.

– Да ладно, ладно... – сдался Роман, – Чего ты... Хочешь чемпионат – будет чемпионат. Когда там следующий?

– Через два месяца, – быстро остыла супруга, словно и не сгущались над их браком грозные тучи несколькими секундами ранее.

В «Сапсане» оба мирно посапывали, уронив головы друг на дружку – чудо, а не семейство.

О ночном обещании в привокзальной кофейне Ната вспомнила через пару недель, когда муж опять попытался откупиться от работы по дому извечной дежурной фразой.

– Опять работа, да? А я тут, значит, прохлаждаюсь целыми днями? Каждый раз одно и то же, «Давай в чемпионате поучаствуем?» – «У меня работа»... А между прочим, обещал...

– Так, – перебил ее Рома, – я помню, что обещал. Завтра же идем на практику. Ты довольна?

– Буду довольна, если ковер постираешь.

– Ладно, будет тебе и ковер...

Турнир, к которому они начали готовиться всего за полтора месяца до начала, был, что называется, местечковый. Никаких призовых путевок на Мундиаль²⁶ или других сколь-нибудь серьезных наград. Так, медалька, грамота и пакет с ништяками. Рома всерьез это мероприятие не рассматривал. Разве что показать «этим балеринам», что такое «тру» социальное танго. Ну и выпустить пар из внезапно надувшейся супруги. За полтора месяца до старта настроение было шапкозакидательское.

Ната между тем резко превратилась в отличницу перед экзаменом. В отличие от мужа, она понимала, что бальники на соревнованиях собаку съели, и готовилась к войне.

Во-первых, зарегистрировала их пару. В категорию «Продолжающие». От трех лет танцевального опыта, то есть. Правда, кто будет проверять этот самый опыт и как? Покажите-ка ваш первый абонемент в танго школу, уважаемый! Как нет? Сразу с частных уроков начали? Свидетеля приведите тогда! Нет, этот вопрос организаторы оставляют на откуп самим соревнующимся. Что-то вроде декларации о танцевальном пробеге, проверить которую сможет разве что нейросеть, проанализировав фоточки с первых милонг, попавшие во всемирную паутину.

Во-вторых, она взяла в свои руки вопрос с практиками. Дважды в неделю и не меньше! Даже если лень, работа и все беды мира. Если совсем беда и до «Квартала» с их почти ежедневно гостеприимным залом не доползти, тогда дома. И никаких отговорок!

И, главное, нужно срочно обогатить их танец какими-нибудь фишками! Иначе нельзя, ведь судьи не смогут оценить глубину переживаний танцоров, им нужны хотя бы условно объективные критерии. Ритм там, объятие, фигуры... В ритм они вроде бы попадают, обнимаются тоже – чай, не первый год женаты. А вот с фигурами у обленившегося Ромки не все гладко. В какой-то момент он перестал учить новые слова и решил, что его танго-вокабуляр укомплектован в достаточной степени. Но вокабуляр этот, если откровенно, подходит для чемпионата не более, чем кухонный базар для выступления с докладом на каком-нибудь культурном сим-

²⁶ Чемпионат мира по аргентинскому танго, который ежегодно в августе проходит в Буэнос-Айресе.

позиуме. То есть, тебя поймут, конечно, если говорить о содержательной стороне вопроса, но что касается формы, то тут, что называется, «не по понятиям». Надо было срочно превратить ремесленника слога в апологета высокого стиля.

Ну и Ната взялась. Трансформация давалась тяжело и походила на муки оборотня в полнолуние с раздираемой кожей, ломающимися суставами и прорывающейся косматой шерстью.

– Ну на фига нам эти ляписы, – обиженно гундосил Рома, – оставь их своим бальникам, давай дадим им хоть какой-то шанс!

Так низенький коротконогий муж отозвался на предложение дополнить программу элементом, в котором ему нужно было ножкой чертить на паркете круги и полумесяцы.

– Ага, значит, сделаешь бровки домиком и судьи сразу по десяточке выставят за твой пасьон?!

– Так, давай хиро с сакадами закрепим...

– Закрепить-то мы их закрепим, только там, на турнире, все и так крепки своими хирами, надо что-то еще.

– Окей, давай все фигуры выпишем на листочек и будем учить тогда? За все время в танго не удосужились оформить как следует, ща за полтора месяца наверстаем по шурику!

– А твои предложения какие? Пустить все на самотек? Зачем вообще тогда участвовать?!

– А ты, что же, победить хочешь?! – улыбнулся Рома.

– Ну а как иначе-то?!

– Ну, тебе виднее, ты же хотела...

После этих слов они не разговаривали целый день. Подготовку к турниру они начинали крепкой семьей, а к назначенной дате разве что юристов с собой не привели, чтобы доподлинно разобраться, кого назначить виновником на случай неизбежного провала.

И все-таки совместные трудности сближают. Непосредственно в день турнира они выдохнули, поняв, что ничего улучшить и изменить в своем танце уже не смогут, и сошлись на том, что цель мероприятия – получить удовольствие от процесса. Довольные таким гениальным решением, они прямо с утра направились пить эспрессо и заедать его круассанами на Петроградку. До начала соревнований было несколько часов.

В кафе вяло обсуждали расклады.

– Не слышала, кто-то из наших еще записался? – спросил Рома, отхлебнув воды, чтоб освежить вкусовые рецепторы.

Под «нашими» он подразумевал «небальников», то есть социальных танцоров.

– Юлия Максимова будет с Витей Мишиным, Вакарчуки, Слава Петровский с Аней, Леля с Васей... Это из тех, кого я знаю.

– Хорошо. Будет хоть поболтать с кем, пока категории меняются...

– Угу... Думаешь, у нас есть шанс быть не последними? – спросила Наташа, меланхолично ковыряя в тарелке крошки от съеденного круассана.

– Да брось, уверен, там полно лошадок, которых мы легко обскачем.

– Надеюсь... Ну что, двинем?

– Двинем!

Они расплатились и вышли. Фасады исторических домов, озаренные сентиментальным и нежным осенним солнцем, тем утром казались им особенно прекрасными.

– А может, ну его, этот турнир? – сказала вдруг Ната, – Нам ведь хорошо плясать друг с другом. Что еще надо?

– Не, раз уж вписались, надо испить эту чашу! – бодро отозвался Рома. – Веселее! Хоть над балеринами поржем!

Чемпионат проходил в помещении ночного клуба тут же на Петроградке. Стробоскоп и плотные темные шторы вместе с деловыми костюмами, вечерними платьями и коньячными парами из раздевалок придавали происходящему схожесть с корпоративом какой-нибудь серьезной фирмы. Опытные бойцы танцевального фронта методично приближались к состоянию танцевальных берсерков. Намечалась бойня.

Рома и Ната еле нашли друг друга в толпе пиджаков и зализанных причесок, с трудом пробрались к столику регистрации и получили табличку с номером сто двадцать четыре, которую нужно было прикрепить на спину Роминого пиджака. Эта цифра вызвала у Ромы едва ощутимую досаду – казалось, организаторы специально для судей повесили на их пару ярлык «ничего особенного».

Дальше потянулось время томительного ожидания. Они размялись на крошечном пятачке пола, свободном от элегантных мерзавцев и хрестоматийных сердцеедок, коих в клубе было большинство.

«И где таких штампуют? – с досадой подумала Наташа, глядя на фланирующую мимо мадаму с презрительным взглядом и накачанными губами. – Высокие, стройные и, судя по всему, богатые. А обычные люди тут есть кроме нас? Ау! Отзовитесь!»

На фоне одинаково лоснящихся показным успехом местных обитателей Олимпа Рома с Наташей выглядели залетными хоббитами в королевстве эльфов: невысокие, оба щекастенькие, с животиками. Ромин деловой костюм не пестрил блестками, не баловал бархатистостью материала и уж точно не обтягивал могучий элегантный стан. Если бы этот выдававший уже не одну планерку трудяга мог что-то обтягивать, он обтянул бы небольшое брюшко поклонника пенных напитков. Платье Наты тоже создавалось не для танцевальных выступлений и открытым текстом заявляло: «Я камуфляж безликого бойца офисного фронта и помогу затеряться между драценой и принтером, чтобы ты могла и дальше распивать кофе, лепить квартальные отчеты и тухлить в фейсбуке²⁷ с важным умным видом». Произвести впечатление в таком наряде было сложно, особенно с учетом конструкции нижней части, которая предполагала, что обладательница платья передвигается шажками японской гейши. Зато по нынешним временам вполне нравственно, не то что пестрые лоскутки на этих длинных и омерзительно стройных расфуфыренных мымрах. Сплошные ноги и груди. Фу, пошлость какая!

Наконец зал наполнился бодрым, усиленным микрофоном голосом ведущего шоу-программы. В центр зала, сверкая отбеленными зубами, вышел красавец с бабочкой и трехдневной щетиной.

– Здравствуйте-здравствуйте! Меня зовут Платон, и мы рады приветствовать вас, дорогие гости и участники турнира! Занимайте, пожалуйста, места в зрительном зале, мы начинаем!

Первыми на паркет пригласили новичков.

– Они еще только делают свои первые шаги в аргентинском танго, но уже достаточно смелы, чтобы продемонстрировать вам свои успехи! – бодро вещал тамада с бабочкой. – Встречайте!

Дальше было представление пар.

В категории «Начинающие» Рома и Наташа с изумлением увидели незнакомок в сопровождении хорошо известных партнеров – эти бальные танцоры со стажем беззастенчиво вписали себя в категорию новичков. Апофеозом абсурда был выход организатора мероприятия, который в питерском танго был куда ближе к «отцам-основателям», чем к едва оперившимся птенцам.

На лицах профессиональных танцоров не отразилось и тени смущения.

²⁷ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

Нечто похожее Рома уже видел. Но где именно? Ах да! В кинофильме «Двенадцать стульев» с участием незабвенного Евгения Миронова. Эпизод с сиротским приютом. Он поделился наблюдением с женой, и та прыснула со смеху. Давненько он не чувствовал себя молодым хохмачом! Волшебное чувство, он даже приосанился.

В категории новичков выступило около тридцати пар, и на то, чтобы все показали свои «первые шаги», ушло три круга по три мелодии. Плюс объявление соревнующихся. Пар, целиком составленных из незасвеченных на милонгах танцоров, было от силы три или четыре.

Рому посетило скверное предчувствие. Увы, безошибочное.

Организатор турнира, сделав трогательные первые шаги, на глазах окреп и, заменив женщину, словно шину на колесе, выехал на второй круг. Вместо молоденькой шатенки, шатающейся на непривычно высоких каблуках, рука об руку с ним уверенно несла в массы свои силиконовые формы крашенная блондинка лет около сорока с небольшим. Подобная метаморфоза произошла и с прочими парами. «Сироты» последовали примеру своего «настоятеля».

Растирая затекшие от долгого сидения ноги, Рома с тоской и напряжением следил за танцполом. Там едва начавшие свой танго-путь молодчики истово наяривали хиры с сакадами, балансируя на тонкой грани между заявленной категорией *tango de pista* (танго для танцпола, читай для обычных людей) и тем, что аргентинские жулики подают туристам в театрах и на улицах Города Добрых Ветров.

Оставалась лишь чахлая надежда на блюстителей танцевальной Фемиды. Они же аргентинцы и должны понимать, что к чему?

Кстати о них. Состав жюри полностью и всецело соответствовал духу происходящего. Иначе как объяснить, почему соревнование по классическому, каноничному танго предстояло судить ребятам, исповедующим так называемое танго нуэво. Новое танго, то есть.

Увидев за судейским столиком их плохо знакомые лица, Рома припомнил интервью с дедушкой, танцевавшим под музыку еще живого Анибала Тройло. Эта характеристика ничего не значит для стороннего человека, но любому продолжающему милонгера сразу становится ясно, что речь идет о современнике диплодока. Так вот, этот бодренький старикашка на вопрос интервьюера о том, что он думает о танго нуэво, заявил, что не существует такого направления. То, что часть молодежи называет этим словом, на самом деле совершенно другой танец, у которого с танго мало общего. На этой, и без того достаточно категоричной, характеристике старый милонгера не остановился и выразил совсем уж уничижительную мысль о том, что танго нуэво изобрели неудачники, не сумевшие научиться как следует танцевать нормальное танго. Мол, вы, господа фарфоровые, ничего не понимаете, это не танец голимый, а стиль такой. Новый стиль. Свежий. Не то что ваш нафталин.

И вот такие сторонники прогресса по злой иронии кого-то свыше сидели за столиками с надписями «жюри» в конкурсе так презируемого ими классического танца. Эй, Вы, там, наверху, лайк Вашему юмору!

А впрочем, беспокоиться по поводу облика в глазах адептов новой школы Роме не стоило. Они на него вообще не смотрели. Причем, как казалось, демонстративно. Конечно, следить за лицами членов коллегии постоянно он не мог. Ему и без того непросто было справиться со своими одеревеневшими конечностями и вместе с трясущейся от волнения женой выдать хоть что-то, похожее на какой-нибудь танец. Показать им всю страсть и глубину? Какое там! Не обмочиться бы со страху посреди танцпола. Внезапно и туфли стали жать, и заслушанная до дыр музыка изумила неожиданными поворотами, и костюм, казавшийся на работе второй кожей, вдруг превратился в смиренную рубашку, и любимая жена обернулась хулиганистой мартышкой, норовящей сбить его с ног и повиснуть на шее.

Единым духом испарилось все то, чем Рома втайне гордился в своем танце, как то: postura, баланс, шаг, музыкальность. Ну и жюри, словно из сострадания, старательно огибало взглядом их пару.

Когда круг завершился, они с Натой выдохнули с облегчением. Обоим стало ясно, что дальше они не пройдут, но оба старательно об этом не говорили.

А тем временем организатор турнира, вспотевший настолько, что мог походя поучаствовать и в конкурсе мокрых рубашек, отбросил изможденную яростной пляской блондинку, вытер полотенцем лоб и, взяв под руку удивительно невысокую и довольно немолодую уже даму с гуталиново-черной стрижкой, приготовился отстаивать честь в категории «Профи». «Сироты» не отставали и дышали ему в спину.

– Может, пройдемся? – предложила Наташа мужу, – здесь так душно...

– Ага, – согласился Рома, – есть такое дело...

Они пропихнулись к выходу, но и очутившись на крыльце, не смогли вдохнуть полной грудью из-за сигаретного дыма. На ступенях смолили трое «сирот», не принявших участие в битве за трофей в старшей категории.

«Богатых пенсионеров на них, очевидно, не хватило», – позлорадствовал Рома.

Проходя дальше вглубь двора-колодца, они с Наташей стали невольными слушателями фрагмента беседы.

– Блин, чет я перебрал в этот раз, – сказал один другому, туша бычок о железный поручень крыльца, – еле на ногах устоял.

– А я наоборот, – бросил второй, нервно теребя оставшийся в пальцах фильтр, – так на очко подсел, что со страху начал дико е**шить...

– Нормально все, – хлопнул его по плечу третий, – так и надо, иначе судьям не видно, чо ты там делаешь...

По мере того как Рома с женой углублялись во двор, разговор терял ясные очертания и превращался в бубнежку, пока совсем не стих.

Супруги сели на лавочку возле куста сирени и некоторое время молчали.

Минут через двадцать они нехотя вернулись в зал узнать результаты. Не прошли ли в полуфинал? Не прошли. Чего, собственно, и следовало ожидать. На стадии отбора отсеялись все случайные пассажиры, и вторую часть постановки ребята смотрели уже из зрительного зала в компании таких же социальщиков, как и они сами.

Глумиться над бальниками, сидя в креслах, было куда проще, чем находясь с ними рядом на танцполе. Обретя еще несколько пар ушей, Рома воспрял духом и принялся изображать комментатора.

– Внимание, дамы и господа! На арене нашего шапито гонки на клячах! Впереди с большим отрывом опытный наездник на пожилой брюнетке! Но ему на пятки наступает молодая гвардия! Кто же победит, опыт или молодость?

Наташа ущипнула мужа в мягкий бок, но при этом с трудом удерживала смех в рамках приличий. Друзья из тусовки тоже корчились со смеху, чем немало раздражали друзей и родственников выступающих танго-атлетов.

За шутками и шампанским они не заметили, как пролетел второй круг. Полудохлые и с трудом стоящие на ногах солдаты танцевального фронта построились для награждения. Вид у них при этом был такой, словно они марафон по дорогам Замбии пробежали. На фоне их изможденных лиц гротескно звучал бодрый голос ведущего:

– Итак, дамы и господа, пришло время объявить победителей. Кто же займет призовые места? Вы готовы? Тогда мы начинаем! В категории до одного года танцевания третье место заняли Анастасия Николаева и Василий Аксенов!

Под оглушительные овации в центр зала вышли сутулая девочка с острыми коленками и «сирота», накануне сетовавший товарищам на перебор с дозировкой огненного эликсира в танце. Девочка отражала вспышки фотоаппаратов стразами на платье и лицемерно жизнера-

достной улыбкой. Наверняка в этот самый момент она мечтала снять уже наконец чертовы каблучки и завалиться дома в уютную постель, но положение бронзовой призерки обязывало врубить резервное питание и бросить остатки энергии на работу улыбатора.

Ее напарник, находясь в изрядном подпитии, отработал в две смены и улыбаться уже не мог. Его запаса мощности оставалось ровно столько, чтобы не упасть и не растечься лицом по паркету в тот миг, когда один из судей надевал ему на шею медаль.

Второе место заняла тридцатилетняя стервочка, обвешанная с ног до головы золотыми украшениями. Визуализация ей не помогла, и в турнире пришлось довольствоваться серебром. Это обстоятельство делало ее улыбку особенно похожей на оскал. Должно быть, недобравшего коньяка парня, с которым она остановилась в шаге от цели, ожидал серьезный разговор о неосвоенных инвестициях.

– Ну и наконец, чемпионы среди начинающих танцоров! Виктория Синягина и Николай Петров!

Шатенка единственная из всего подиума улыбалась искренне. Устало, но по-кошачьи довольно. А делающий вот уже лет так двадцать первые шаги импозантный юнец Петров с невозмутимым достоинством принимал заслуженные почести.

За новобранцами пришел черед опытных служак.

– В категории от одного года до пяти лет танцевального стажа! Бронзовые медали! Юлия Котова и Арсений Пирогов!

Арсений, тот самый, что мучился недостатком алкоголя в организме, уже окончательно протрезвел и обреченно подставил шею под вторую медаль. Юлия, одна из немногих относительно упитанных участниц турнира, не была избалована наградами и потому вполне естественно наслаждалась моментом. В ее мире все было просто: бронза – это пьедестал, а пьедестал – никак не плаха.

– Второе место! – надривно орал ведущий. – Вице-чемпионы! Ильмира Гиязова и Василий Аксенов!

– Погодите-ка, – обратился Рома к товарищам, – я где-то видел этого парня... Точно! Это же начинающий бронзовик! Вот это конкуренция среди новичков! Даже вице-чемпион среди продолжающих занял у них только третье место! Или все дело в партнерше?! Так вот чего ему не хватило в предыдущем туре!

– Ну и наконец, первое место! Чемпионы в категории танго-салон среди тех, кто танцует более одного года! Алла Сидорчук и Николай Петров!

– Потрясающе! – восхитился Рома, – Каков красавец! Глыба, а не танцор! А есть тотализатор тут? Дорогая, я знаю, как нам разбогатеть: надо срочно заложить нашу квартиру и поставить на победу этого джентльмена в категории «Профи»!

– Да тише ты! – шикнула на него Ната, – На нас и так все смотрят!

– И пусть смотрят! Пусть слушают! Быть может, кто-то из присутствующих таки ответит мне, почему золото для народа?!

– Да ладно тебе, Ромчик, – примирительно сказал Толя Вакарчук, – это ж с самого начала было ясно, что тут не турнир, а выставка декоративных болонок! Просто хозяевам нужно увидеть осязаемые результаты своих вложений. Вон, смотри, сидят по углам отцы да мужья с калькуляторами в глазах. Сколько уплачено за частные уроки с практиками, сколько за участие в этой клоунаде...

– Ну конечно, – возмутилась Света, его супруга, – за все, как всегда, заплатили мужики, а женщины так грудями сверкают на халяву. Сексист ты, Вакарчук, и как я за тебя вообще вышла...

– Животный магнетизм, – самодовольно пошутил Толя, – а насчет денег понятно же, что я в общих чертах обрисовал картину. Естественно, тут полно дамочек, которые сами банкуют. Причем почти уверен, что в категории «Про» таких большинство. Там и целеполагание другое.

Если у первых цель – отчитаться перед инвесторами, то у этих – перед собой в первую очередь. Думаю, на таком уровне жизни не существует уже удовольствия в чистом виде, что называется, «в себе». Это как у акул, если они не будут плавать и жрать все, что не попрячется в рифах, подохнут в два счета. Вот и лезут они во всякие конкурсы, и в бизнесе жрут конкурентов, и в хобби. И домашних покусывают. Не из склочности, а просто иначе не могут. Устроены так.

Произнеся эту тираду, он выдохнул и развел руками.

Как и следовало ожидать, среди профессионалов танца случайных лиц оказаться не могло. Чемпионский кубок бодро поднял над головой все тот же Николай Петров. Выступавшую в роли танцевального снаряда мурену никто из отсеявшейся на стадии первого круга плотвы и знать не знал. Должно быть, свое танго-дао она постигала где-то в Тибетских горах.

Турнир сбросил с себя остатки притворства и превратился в нормальную добротную пьянку состоятельных людей, не привыкших себе в чем-либо отказывать. Роме с Наташей и другим хоббитами делать там было нечего.

После пятиминутки тыкания в экраны своих бюджетных смартфонов они вышли на улицу и стали ждать каждый свой «Солярис», «Рио» или «Поло».

На улице была глубокая ночь, но город не спал. Из-под арки дома напротив доносился шум машин, хмельные выкрики и смех гуляющих летней субботой петербуржцев.

Рома боковым зрением увидел, как зажегся свет в припаркованном возле клуба монструозном детище немецкого автопрома. За рулем этого танка на колесах сидела еще довольно молодая, лет около тридцати пяти, блондинка с неподвижным от уколов лицом. Рядом с ней на переднем пассажирском устало откинулся Петров. Чемпион по аргентинскому танго в категории «Танго-салон» среди начинающих, продолжающих и профессионалов, победитель во всех номинациях организованного собственноручно турнира. Блондинка что-то сказала ему, но он только закатил глаза и покачал головой.

Тихо застрекотал мотор, и они укатили куда-то в шумную питерскую ночь.

Через несколько минут честный и безотказный «Сяоми» сообщил Роме, что Гарамоллаев Нимик Анвер-оглы и желтая «Киа Рио» готовы отвезти его с супругой из мира дорогих баров и архитектуры в стиле модерн в дивный новый мир ласточкиных гнезд, или человеичников, что вырос как на стероидах там, где еще не так давно закалялась сталь. Они торопливо переобнимали и обцеловали «своих» и погрузились в тарантас цвета яичного желтка.

Пока тряслись на заднем сидении этой здравующейся с каждым лежащим постовым брички, Ната уснула, уронив голову на мужнино плечо. А он, несмотря на усталость, бодрствовал.

«И все-таки тяжелый это труд – все время побеждать, – думалось ему, – один раз вляпаться и потом всю жизнь доказывать что-то кому-то. Беги, как та белка за своим чертовым желудом, а окружающие будут с попкорном сидеть и пальцем в тебя тыкать. Могут еще и кинуть в тебя чем-нибудь, если бежать будешь слишком медленно или недостаточно концептуально. Заскучают они, а развлекать их должен ты. Вот и пучишь глаза, аж нервно веко дергается... Отсюда все эти ужимки и гримасы. С другой стороны, быть среди тех, что с попкорном, тоже такое себе удовольствие. Сидишь с постной рожей и тупо дрейфуешь, как планктон по течению. Куда оно, туда и ты. И все вокруг одинаково никакое... Жизнь, словно баланда. Ковыряешься в ней так брезгливо, выискиваешь кусочки послаще... И тот, кто за очередным желудом несется, устал уже, износился, ему эти желуди, может, и осточертели уже, у него, может, аллергия! Но остановиться нельзя. Там, позади, другие белки несутся, и только дашь слабину – вообще без желудей останешься. Вот и пыжится из последних сил. Смотреть на него нет мочи, а ты все глядишь... Вдруг в этот раз он как-то по-особенному, необычно пробежит, а ты упустишь? И оба вы заложники. И ему не остановиться, и тебе не отвернуться. Замкнутый круг какой-то. Так как же быть?»

Алиса сбилась со счета, сколько раз она прерывала Женину историю залиvistым непосредственным смехом. Окружающие вновь начали поглядывать на нее с опаской. Возвращенные в информационной среде люди совершенно разучились открыто выражать яркие эмоции, а потому громкий смех вызывал у них тревогу вперемешку с завистью.

– Как быть, как быть! – усмехнулась Алиса. – Жить и радоваться, я ж говорю. Прав был тот дедуля. Танго – это процесс, а не финишная лента с медалькой!

– В целом согласен, – кивнул Женя, – хотя некоторых эта сама медалька мотивирует к росту. Вроде как подвесить морковку перед глазами ослика, тянущего повозку – стимул. Глядишь, и дотащит животинка твой скарб куда-нибудь.

– Даже не знаю... – протянула Алиса.

Женя усмехнулся этому выражению.

– Так, ладно, – сказал он, – с тобой все понятно. Ты за самое настоящее, аутентичное, а не парадное танго. Но могу же я попробовать угадать истинный мотив твоего путешествия? Есть у меня еще попытки?

– Судя по виду за окном, сколько угодно, – фыркнула Алиса.

– Отлично. Тогда моя следующая ставка – любовь...

Алиса снова фыркнула и даже рассмеялась.

– А что, – не поддался Женя, – эту версию никогда не стоит списывать со счетов...

– Ты таки совсем меня не знаешь, – спародировала Алиса говор хрестоматийной тети Сары, – Зачем пересекать полмира в поисках того, что и так валяется под ногами? Мужик – он и в Африке мужик, и в Катманду, ну и у нас, конечно. А если не видно разницы, зачем-таки платить больше?

– Ну, во-первых, разница все-таки есть, а во-вторых, ты не зарекайся. Никогда не знаешь, как жизнь повернется. Видел я и не таких дамочек, знаешь ли, которые срывались за тридевять земель в поисках счастья...

Алиса добродушно потянулась и махнула рукой.

– Рассказывай!

Белая акация, дама в прострации

«Ох и нелегко современной женщине в этом патриархальном аргентинском танго!» – эпистолярно размышляла Жанна Викторовна, методично тыкая наманикюренными пальцами в экран айпада.

Планшет отзывался уютными щелчками, почти как настоящая клавиатура, и на экране с синей рамочкой фейсбука²⁸ бодро скакали буквы.

«Ведь это же немисливо – просто так взять и сесть в одну лодку с первым встречным и без малейших колебаний отдать ему рулевое весло! – продолжала дважды разведенная светская львица, хозяйка маникюрного салона. – А что, если он так себе мореход? Вдруг он вырулит к рифам или айсбергам? И все? Титаник? Вымерли как мамонты те мужики, за которыми, как за каменной стеной, один гипрок остался, да еще и с непомерными амбициями. Таких в наше время вагон и маленький прицеп. А в танго отечественном эта ситуация усугубляется еще и полнейшим отсутствием внятной конкуренции».

Пока Жанна увлеченно барабанила по тачпаду, подошел официант с синей матчей и банановым капкейком – еще один пример. Щуплый очкарик в подвернутых джинсах и очках в толстой оправе. Выглядит так, словно в любой момент восточный ветер унесет его, то ли в Кремниевую долину, то ли в Страну Оз. Тьфу! Ну как с таким жить? Эх, бедные девочки...

Жанна не глядя приняла подношения и ненадолго зависла, попивая матчу и ковыряя капкейк.

Айпад между тем работал вовсю: трезвонил о том, что кто-то еще подписался на Жанну в инсте²⁹, кто-то прокомментировал фотки из Греции, кто-то в личку написал что-то до пошлости банальное.

Она лениво смахнула все уведомления и даже поставила айпад на авиарежим. Скопировала набранные буквы в заметку и продолжила свой литературный экзерсис.

«В конце концов, чем еще, если не писательством, заниматься приличной девушке слегка за тридцать в цифровую эпоху? – размышляла как-то Жанна на досуге, – Особенно если она москвичка с хорошим воспитанием и вот уже год как переехала жить в Питер, где даже пролетающие над Фонтанкой чайки выкрикивают строки великих поэм, а каждый голубь, скок-жившийся у мусорного контейнера на Рубинштейна, годится в герои романа Достоевского. Правда, писателем нынче может быть любой снабженный анальным шилом владелец айфона, который сливает свой зуд в мордакнигу, но продираться через километры тошнотворно-позитивных пассажей, как-то: «#я и мой котик», «#петровы на отдыхе», «#я смогла, и ты тоже сможешь» или, напротив, зубодробительно-унылых типа «#кругом гуглаг», «#оруэлпредупреждал», «#поравалить», «#мывсеумрем» и прочие хэштеги в том же духе – нет. Отсюда ощущение, что труд этот измелчал и обесценился. А еще кажется, что каждый ближний и дальний взял себе какую-то роль и без конца гоняет по кругу одну и ту же постановку. Один играет коуча и орет со страниц соцсетей: «Только вперед!», «Главное – действовать», «Я знаю, как заработать!». И прочие лозунги, отдающие сто пятьдесят девятой статьей известного кодекса³⁰. Другой становится «осознанным» и давай спасать всех кругом без разбору. И тоже в соцсетях. Забавно наблюдать, как одна увязшая в паутине муха истошно орет другим про то, что

²⁸ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

²⁹ Компания Meta Platforms Inc. признана в России экстремистской организацией и запрещена как и принадлежащие ей соцсети Фейсбук и Инстаграм.

³⁰ Статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации – мошенничество. Экономическое преступление с использованием злоупотребления доверием со стороны жертвы.

паутина – это плохо. У третьей полная «яжмать» головного мозга. Вот мы купаемся, вот мы покушали... Ну и дальше по тексту. Набор ролей, пусть и велик, но все-таки ограничен».

«О том, чтобы сильная и независимая женщина вальяжно цедила Пина Коладу и выбирала из наштигованных тестостероном мачо партнера на следующую танду, можете и не мечтать! – продолжила Жанна сетовать уже в заметку, – Наковырять бы за весь вечер хоть что-то сносное. Так, чтоб не противно было рядом постоять».

Дальше она добавила конкретики и в пример, естественно, поставила себя любимую.

«Вообразите: вы – стройная интеллигентная стервочка слегка за тридцать. У вас свой маникюрный салон, «БМВ» третьей серии, последний айфон и регулярные отпуска с подругами и не только. Есть дорогие рестораны, хороший фитнес-клуб. Не жизнь, а просто фрэш апельсиновый. Все есть практически, но вот чего-то не хватает. Любви? Бросьте, это слишком затратная иллюзия. Но чего тогда? Несмотря на общество таких же сочащихся успехом подруг, ватагу подчиненных и регулярный качественный секс, на душе все равно скребут кошки. Способов справиться с одиночеством масса, но предположим, что какая-то шальная небесная сила толкнула вас в аргентинское танго. Подруга посоветовала, деловые партнеры флаер своих арендаторов подсунули. Ну мало ли. И вот вы, такая сильная и независимая, что о вас можно ножи точить, кубарем вываливаетесь из зоны комфорта и стоите «как дура» посреди танцевального класса. И вся накопленная годами тяжелого труда компетентность, весь ваш несгибаемый характер прямо здесь и сейчас никому не нужны. Можете смело сдавать их в ломбард по спекулятивной цене.

«В танго мужчина ведет, а женщина следует», – говорит вам какой-то тип в широких штанах.

А как понять, что тип этот знает, о чем говорит? Покажите сертификат соответствия, любезный!

И большинство стыдливо потупит глазки и начнет нудеть про социальный танец. Тогда резонно спросить: окей, а что насчет социальных гарантий? Гарантий того, что перед тобой не шарлатан какой-то, а самый что ни на есть гуру со своей авторской (других не жалуюм) методикой, индивидуальным подходом, столетним стажем и далее по списку?

Особо дерзкий товарищ возразит, что гарантии следует искать в банке. Консервной, не иначе. Другой – рохля – руками разведет виновато. Верить обоим – себя не уважать, и вы отправляетесь искать кого-то с подтвержденной квалификацией.

В результате этих изысканий находится высокий симпатичный юнец, финалист чемпионата Поволжья по аргентинскому танго и победитель открытого турнира Т. А что это за соревнования? Каков состав участников? Кто судьи и каковы критерии оценки? Поди знай, если ты не погружена в контекст. Но слова «финалист» и «победитель» хотя бы как-то звучат. Задержимся тут, говорите вы себе, устроим тест-драйв.

Дальше внезапно начинается муштра. Этот сопляк, этот обслуживающий персонал, учитель танцев, гоняет уверенную в себе и многое в жизни повидавшую бизнес-леди по паркету как сидорову козу.

Шаги, постура, очо, хиро, женские техники, где его подруга рассказывает за отдельную плату, как эффективнее семенить и махать ножками, потом мастер-классы, парные техники... Стоп. До этого места еще ничего было, но встать обнять вот это – еще более прыщавого юнца, мистера «Пасадобль Золотого кольца»? Мистера «Я у мамы гений румбы»? Товарища «Жаркая латина, убей во мне кретина»? Откуда он такой красивый взялся? Вестимо, откуда – входил в стартовый пакет услуг. В отличие от шарлатанов, именующих себя гордым словом «социальный танцор», в этой конторе предоставляют реквизит».

Жанна опять отвлеклась – остатки капкейка сами себя не доедят.

Вдруг позвонила Катька Акентьева, подружка и собутыльница на городских милонгах.

– Жанк, – принялась она оргазмировать без предисловий, – тут Васильевна марафон мутит на Комо! Середина сентября! Кайф! Надо ехать! Уииииииии!

– Погоди ты биться в сладких корчах, – улыбнулась Жанна. А сама уже мысленно прикинула, какой крем для загара лучше всего выбрать в это время года.

– А кто будет? – спокойно спросила она.

– Ну это... Какая разница?! Там будут итальянцы!!!

– А диджеи?

– Ну Джанпьеро, Лука, Марко... Из наших кто-то, кажется. Ты что, туда музыку слушать поедешь?!

– Ну, а место какое? Где конкретно на Комо?

– Там отель какой-то. Или пансионат. Ближе к горам. Ну ка-а-а-а-айф!!!

– Ладно, посмотрим, найдется ли партнер...

– Ой, да ладно! Тебе-то чего париться! Кидай заявку, тут же слетятся!

– Поглядим... – нагнала тумана Жанна. – Ладно, давай, мне тут по работе звонят...

И повесила трубку. Никто ей не звонил – Каткины восторги были немного утомительны в одиннадцать утра после ночной милонги. Решение по марафону она, конечно же, приняла сразу, едва услышала слово «Комо» в телефонной трубке, но говорить об этом не хотелось. Может же уверенная в себе сильная женщина иногда немного побыть девочкой, снедаемой сомнениями? Жаль только, подходящего зрителя для этой миниатюры нет. Катка не в счет – она хоть и косит под дурочку, а все понимает. Сама такая же.

Внутри Жанны все свербило от предвкушения, и эссе о тяготах жизни московской милонгеры было забыто.

Вместо этого айпад снова был подключен к сети и через минуту на экране появилась страница марафона «Сомо tu». Васильевна, как в народе звали Наталью Сницкую, была организатором многих чумовых фестивалей, так что в глазах Жанны имела весомый кредит доверия. Та самая фирма, что вяжет исключительно качественные, правильные веники. За такими хоть на Комо, хоть в Вятку – будет круто, можно не сомневаться. На странице все было четко, по-военному, и вместе с тем затейливо и живо. Игривые смайлы, проникновенное, компанейское обращение, и при этом вся важная информация расположена удобно и переваривается легче кремовой пирожки – сплошной чистый сахар. Умница она, Васильевна – никому не нужны эти длинные хождения вокруг да около. Быстро, четко, позитивно – вот главные качества идущей в ногу со временем бизнес-леди. Уж кто-кто, а Жанна это прекрасно знает.

Уже минут через десять были забронированы билеты и номер в отеле. Партнер – действительно, дело техники. Даже если нормальный не найдется, уж с Васильевой Жанна как-нибудь договорится. Но подставлять родное сестричество и ехать совершенно с пустыми руками к итальянским берегам тоже нехорошо – жирный минус в карму.

И Жанна отправилась искать по сети кого-то на роль «стартового взноса».

Для этого она разместила на своих страничках в соцсетях коротенькую заметку – мол, ищу партнера на «Сомо tu», пишите в личку.

И вернулась к оставленной заметке.

«Скрипя зубами, вы принимаете правила игры, – тапала Жанна, – уроки посещаете регулярно, практики – тоже. Ангажируете свой реквизит на первую милонгу, надеваете роскошное бархатное черное платье с тремя вырезами – два спереди, один сзади – и в бой, покорять вершины!»

Немного подумав, Жанна закавычила слово «реквизит». Иначе нехорошо как-то. Мужиков за объективацию гнобим, а сами...

«И вот вы вся такая #НаташаРостова, – продолжила Жанна, – приходите в овеванную легендами «Касу», эдакую питерскую танго-Мекку, самый намоленный храм болео и сакады и... Ну что. Перед вами сомнительного, на первый взгляд, вида заведение, расположенное в

щекочущей нервы близости от Думской и Апрашки. На предпоследнем этаже оркестр лабаает блюз и молодые прекрасные прожигатели жизни тут, но вам выше, под самую крышу, туда, где в большом круглом окне виднеется впечатляющий купол Казанского собора.

Ладно, пока все неплохо. Во всяком случае, вид стоящий. От смутных ожиданий щекочет где-то, то ли в мозгу, то ли в носу.

Дальше вы ныряете за ширму в раздевалку как в гримерку, надеваете амуницию богини, выходите, стреляя во все стороны безупречно подведенными глазами, садитесь за стойку, заказываете шампанского (зря нос чесался, что ли?) и ждете свой калейдоскоп приключений.

Но не все так просто. Играет непривычная уху музыка из далекого прошлого. Что-то такое в стиле шуршащий шоколадной обертки. Вентиляторы под потолком с трудом бултыхают застоявшийся воздух. Народу на танцполе куда меньше, чем этажом ниже, да и качество этого народа...

Стоп, одергиваете вы себя, отставить уныние!

Дальше вы или натягиваете рот до самого затылка, или играете в загадочную незнакомку. Но эффект от этих двух противоположных тактик неожиданно одинаков. Шампанское иссякло, вы протрезвели, а танцев так и не случилось.

Рядом ждет ваш верный Пятница, он уже получил предоплату и готов обслужить вас танцевально.

Ну что ж, если мир социального танго не готов полюбить вас за красивые глаза, предъявим ему отточенный шаг и элегантную позу, думаете вы и киваете своему таксисту: «Вези против часовой, родненький!»

А юноша от танцев на милонгах весьма далек, он, выражаясь языком автомобилистов, привык к гоночным трассам. Тем, где только ты, твое авто, изгибы рельефа и мчащиеся в том же направлении соперники. Водит он резво, даже трюки какие-то освоил вроде дрифта, но очутившись в условиях плотного городского движения, чувствует себя ой как неуверенно – раз за разом цепляет бампером поребрики, то и дело норовит выехать на встречу, собирает придорожные мусорные баки. У него, видите ли, семь сотен коней под капотом, а тут чертовы пробки, трехполосное движение и прочая скукота. Удовольствия от такой езды вы получите немного. Ну, может по первости, до тех пор, пока не заглянете пристально в окна соседней «Октавии» или «Поло».

Там у руля не Шумахер, а менеджер среднего звена или вообще дачник, на переднем пассажирском – глава семейства. Супруга, то есть. Обсуждает с рулевым детали маршрута, тыкая указующим перстом в экран смартфона с Яндекс-картами. Позади нее щипают друг друга и брыкаются пара детишек, бабуля пытается их урезонить, сохранив при этом рассадку, которую никак нельзя было доверить багажнику. Это все метафорически, разумеется.

На самом деле там просто пара обычных людей, но по их сосредоточенным лицам становится ясно, что, несмотря на отсутствие ярких внешних проявлений, жизни там куда больше, чем в вашей бэшке. Вы, может и не скучаете, конечно – какая там скука, когда, не ровен час, влетишь в чью-нибудь спину, но мечтали вы явно не о таком. И если вы, стоя на светофоре, психуете, поглядывая на часы и схему пробок, то соседи живут, что называется, полной жизнью. Тоже эмоционируют, но как-то благостно и «в себя». И тогда вы понимаете, что где-то на вашем танго-дао свернули не туда».

На этом поток Жанниных сетований иссяк, и через минуту она поймала себя на том, что бессмысленно пялится в экран планшета.

Встряхнулась, выпила остатки матча и заказала счет.

Официант, словно в отместку за дурные размышления о себе, тянул минут двадцать.

Жанна успела вспыхнуть, остыть и еще раз вспыхнуть. Все внутри, потому что не хватало еще потерять лицо и начать скандалить из-за такой мелочи. У нее, белой эмансипированной женщины, есть свое орудие угнетения гамма-самцов – банковская карта. Ну и еще отзывы в

гугле с яндексом, конечно. Это заведение точно получит увесистую оплеуху в виде низкой оценки и гневной тирады. А про чаевые пусть и не заикаются.

Приняв это взвешенное и судьбоносное для кафешки решение, Жанна снова достала айпад. На мудрствования о танго ее уже не хватит, зато можно изучить набежавшие предложения по парной регистрации на марафон.

Предложений было штук пять. Достойно, с учетом столь короткого срока. Двое из написавших – отечественные барбосы с красными от коньяка носами и пивными животами в цветной обертке. Ну скажите на милость, кто ввел эту дурацкую моду всем без разбору одеваться так пестро? Что тетки, которые в сорок рядятся в игривые юбки из дешевого трикотажа, что мужики, сметающие с полок «Дипломата» рубашки «три по цене одной». Ну кто сказал айтишнику Славе и его трем подбородкам, что им идет голубая сорочка с принтом в виде какой-то микробины? Не то чтобы однотонная рубашка могла бы превратить Славу в фитнес-инструктора, но все-таки...

В общем, отечественного производителя Жанна поддерживать совсем не желала. Нет уж, любезные, вы для начала тренажерку посетите, парфюмом пользоваться научитесь, танцевать... В общем, заслужите сперва доверие и уважение, а уж потом поговорим. А иначе как-то несправедливо выходит. Вы, стало быть, женщин объективируете, про рынок и конкуренцию так вальяжно рассуждаете, а о том, что рыночек не односторонняя дорожка, как-то позабыли... Желаете с молоденькими девочками плясать? Извольте соответствовать!

Дальше была парочка итальянцев, Леонардо и Доменико. У обоих только что перья не торчат на аве. Тут тебе и шарфик элегантный, и темные очки, и задумчиво-трагичный взгляд. Была бы Жанна лет на пять помоложе, конкурс можно было бы закрывать на любом из них. Но нынешней Жанне «сын ошибок трудных» подсказывал с выбором не спешить. Итальянцев в Италии много, успеется. Надо еще определиться с пожеланиями на отпуск. Если захочется страсти, комплиментов с последующим выносом мозга, то можно осчастливить какого-нибудь Франческо или Габриэля. Романы с ними начинаются захватывающе, как резкий спуск с американской горки. И в остальном напоминает те самые горки. То #житьбезтебянемогу, то #опять-тывсеиспортилрусскаякурва. И ладно бы ветер менял направления хотя бы раз в сутки. Какое там! Мужики так любят стебаться над перепадами женского настроения раз в месяц, попробовали бы они одолеть такой Везувий! Там лед и пламень сменяют друг друга по несколько раз на день, всегда внезапно, всегда всерьез и «навсегда». То комплименты, рестораны и «ми амор», то ... Ну, в общем, утомительна такая резкая смена атмосферы для девушки восемнадцать плюс. Быть может, в условиях затяжного перемирия на любовном фронте Жанна и вписалась бы в такую авантюру, но не сейчас. Когда она не до конца отошла от очередного Славика.

По другую сторону Альп – швейцарец предпенсионного возраста. Седые волосы, очки в прямоугольной оправе, стройная подтянутая фигура в лыжном костюме на фоне гор и такая отвратительная белоснежная улыбка, что Жанна раздраженно подумала: «Тебя бы в нашу налоговую в очереди постоять, а потом еще в метро в час пик и в поликлинику к участковому терапевту. Чтоб стереть с рожи эту отвратительную лыбу. Буэ!»

Нет, такие товарищи – это альтернативная итальянцам крайность. Даже через фото чувствуется: такой вежливый и позитивный, что аж тошнит. Вернемся к вашей заявке лет через тридцать, уважаемый Штефан – говорят, альпийский воздух чудо как хорош для красиво увядающих русских бизнес-леди.

Пока Жанна, не читая самих сообщений, изучала странички кандидатов, ей пришло еще одно сообщение. Некто Лазар Грегорович.

«Серб, что ли? – оживилась Жанна. – Любопытно».

Но прежде чем перейти на страницу кандидата, задержала внимание на аватарке. Там был мужик лет сорока или около того. Многие балканцы рано седеют. Вот и у Лазара в старательно, но слегка неумело прилизанную черную шевелюру пробрались и пустили корни сереб-

ристые захватчики. Одет он был в простую белую рубашку, без всяческих изысков, а карие глаза смотрели с фотографии серьезно, вдумчиво и по-доброму. Что-то было от Жанниного папы в этом взгляде. Строгий, но любящий и мудрый.

И Жанна поневоле залюбовалась.

Эх, знал бы папа, что вытворяет его повзрослевшая дочка... Так и не дождался внуков родной, не выдержало доброе сердце потрясений безжалостного двадцать первого века...

На странице Лазара было так пусто, что сразу захотелось нашкодить и чего-нибудь написать. А то что это такое: Лазар Грегорович, черногорец (не серб, надо запомнить, иначе конфуз может случиться), родился в Жабляке (Жанна усмехнулась этому названию), живет там же.

Фотографий во всем профайле три.

С пожилой дамой в белой косынке (предположительно маман) на фоне грубо оштукатуренного белого дома с темной черепичной крышей и двумя балконами. За крышей дома виднеются горы, а на зеленом лугу перед крыльцом – овцы.

На следующем снимке Лазар был пойман неизвестным фотографом в момент танца на милонге. Глаза чуть-чуть прикрыты, самую малость, postura ровная, как у солдата на параде. У партнерши глаза закрыты вовсе, на попавшей в кадр щеке ямочка от улыбки.

Жанне вдруг захотелось схватить ее за волосы и оттащить от Лазара куда-нибудь в район города-героя Гдова. Пусть там себе ищет, с кем плясать.

Третий снимок был использован в качестве аватара.

Подошел официант со счетом и переносным терминалом для безналичной оплаты.

Жанна усилием воли подавила щипание в носу, стряхнула неожиданную злость, молча ткнула в терминал айфоном, не дожидаясь чека, кинула айпад в сумочку, после чего встала и вышла из кафе.

Про свою угрозу пожаловаться на кафе другим пользователям яндекс и гугл-карт она забыла. Как и об оставленной в памяти айпада заметке.

«Нырнуть в омут социального танца с головой кажется единственным логичным решением после той самой первой «Касы» в вашей жизни», – писала Жанна спустя несколько месяцев, сидя в кафешке пулковского зала ожидания.

Она давно уже не волновалась перед марафонами, тем более, до такой степени, чтобы приехать за три часа до вылета. Но в этот раз чемодан оказался собранным накануне, сна – ни в одном глазу, и после нескольких часов тягостного ворочания с боку на бок пришлось признать поражение.

Но сильный человек и в кризисной ситуации найдет для себя выгоду, а Жанна была сильной.

«Зато без пробок доеду, – подумала она, – и кофейку с круассаном в аэропорту успею перехватить». Все-таки грабительский ценник и долгое ожидание заставляют по-особенному ценить лежалый прогорклый жокей и обветренную вчерашнюю выпечку.

Обычно Жанна ездила на фесты и марафоны в компании. С той же Каткой они бы точно шампусику накатали прямо с утра – «для куражу», но в этот раз Акентьевой не удалось убедить своего шефа, что никуда он не денется, квартальный отчет, и пятница для нее так и осталась рабочим днем. Удалось бы вечером вырваться.

Жанна была сама себе хозяйкой. И не только себе, так что, раздав ценные профилактические указания своим пчелкам, она без сомнений и колебаний любовалась восходящим солнцем сквозь панорамное остекление аэропорта.

Налюбовавшись всласть, сделала фото и отправила Акентьевой в мессенджер. М – мотивация.

В ответ пришел эмодзи с фингером.

Жанна сладко потянулась и продолжила думать над оставленной несколькими месяцами ранее заметкой.

«Но не спешите с выводами, – натякала в тачпад Жанна, с трудом собирая в кучу разбегющиеся в разные стороны мысли, – мир социального танго – территория социальных игр и условностей, где мало значения имеет ваш предыдущий бэкграунд, и даже толстый кошелек с заряженной банковской картой не гарантируют счастья и успеха. Вполне может случиться, что весомый вклад в финансовое благосостояние какого-нибудь гуру из тех, кого раньше вы так презирали, не принесет никаких дивидендов. На групповых уроках вас с большей долей вероятности ждут заботливые и внимательные женские руки (мужиков на всех не хватает, а с волонтерами тут напряженка), или вовсе позорная стена и #стопятьсот_очо. Очутившись у нее, вы берете частники, уроки по техникам, посещаете семинары, о спортзале и диете не забываете, краситесь в меру вульгарно, платье подбираете со вкусом, но... На милонге появляется улыбчивая двадцатилетняя дурочка с торчащими сквозь дешевое трикотажное платье сосками и... можете смело идти к бару или вообще вызывать такси до дома. Вечер принадлежит этой малолетней вертихвостке».

Напечатав эти строки, Жанна взгрустнула немного. Самую малость.

Грусть развеяло по ветру, когда объявили посадку на рейс до Милана.

Она, Жанна, пройдет с лицемерной улыбочкой в лучах ненависти и зависти пассажиров экономкласса, среди которых, скорее всего, будет та самая абстрактная пигалица. Один-один, детка! Ты постой пока в этой длинной унылой очереди, а я тем временем буду обживаться в своем комфортабельном кресле. Аэрофлот, мое почтение! Ты знаешь, как позволить даме почувствовать себя желанной!

Но стоит оговориться, что в последние годы в бизнес-классе полно малолетней шушеры. Правда, это в основном блогерки, а они до танго, к счастью, не успели дотянуть свои липкие ручонки. Так что пока живем.

Ах, Милан, Милан! Ну что за город! А не задержаться ли в нем на денек? Прошвырнуться по бутикам на Via Montenapoleone, Via Manzoni, Corso Vittorio Emanuele, полюбоваться еще раз собором на площади Duomo? Почему бы и не да? Ведь может преуспевающая бизнес-леди из России себе это позволить? Может! А то, что номер на Комо зарезервирован уже с вечера пятницы? Не беда! Русские традиции гостепоклонения и на итальянской земле актуальны. Подождет Комо. Ну, по крайней мере, денек так точно.

Букинг открыла уже по прилету на Италианщину. О полете и паспортном контроле рассказывать особо нечего. Было и было. Как зубы почистить. Немного дольше, чем хотелось бы, но не так долго, чтобы отказаться. Здоровье дороже. В данном случае, душевное, ибо каждой уважающей себя привлекательной девушке из России просто жизненно необходимо время от времени отдыхать на родине пиццы и пасты. Чисто в профилактических целях. Почистить карму и перышки.

Так вот, если вы знаете, чего хотите от жизни и не постоите за ценой, то, скорее всего, уже в курсе, что выбор у вас в какой бы то ни было сфере жизни весьма ограничен. Вот те же отели взять хотя бы. Если у вас в кармане бряцает мелочь, вариантов приткнуться в Милане сотни, а вот если #деньги_не_проблема, то выбор резко сужается до пары десятков мест, причем удивительно похожих друг на друга во всем, от стиля интерьера до манеры общения персонала. Из них три четверти будут под завязку набиты прожигателями жизни из вечно бедной России, баснословно богатых Эмиратов и идущего своим особенным «коммунистическим» путем Китая.

«Землю рабочим, а бабки всем прочим», – подумала Жанна, улыбнулась пришедшей в голову чепухе и порадовалась, что человечество пока не начало транслировать в сеть абсолютно все возникающие в черепных коробках мысли.

С отелем ей вроде бы повезло. Урвала номер в пяти звездах прямо в самой Галерее Витторио Эммануэле. До Ла Скалы и Дуомо пешком всего пять минут. Ресторан поблизости имеется, причем работающий до часу ночи и без всяких там сиест, что не так часто встречается в Европе. В общем, как говорится, #надо_брать.

Ну и взяла Жанна делюкс с видом на галерею. Картины внутри, картины снаружи. Всюду картины. Чтобы и жизнь картиной была. Помимо картин, белая кровать, изысканное синее кресло, ванная из мрамора... Короче, кому нужны эти нудные описания – добро пожаловать на Букинг. Ну или там «Орел и решка». Бла-бла-бла, роскошно, бла-бла-бла, изысканно. Бла-бла-бла, со вкусом. Жанна перевидала таких мест столько, что и сама могла бы провести такую нафталиновую экскурсию по жизни дорого-богатой. Что поделать. Ну такая вот животино этот человек, что сколько денег и роскоши ему ни дай, а через полгода он наиграется и скажет: «Ну ок. Еще давай. И побольше!» Все-таки есть какая-то доля правды в словах о том, что не в деньгах счастье. Но и без них тяжело.

В любом случае, разглядывать картины в своем номере Жанна не собиралась. В ее отеле главной фишкой было именно местоположение. Благодаря ему можно смело гулять по всем нужным местам. Главное теперь – не переборщить с шопингом. Так, пару-тройку милых вещиц, и все. Иначе неудобно будет тащиться на Комо. Да и домой потом.

В общем, заселилась около трех после полудня, приняла душ, переделась и спустилась на площадь. Выпила кофейку в ближайшей кафешке. Ей оказалась официальная точка туринской компании Lavazza. Кофе достойный, а интерьер обследовать не стала, остановилась на открытой террасе. Там все строго, чинно, элегантно: черные столики со стульями, белые тенты. Или кремовые. Из-за внушительных стрекозиных окуляров Жанна не разобрала оттенков. Но кому это интересно? Ее больше волновали официанты. Они тут были сплошь молодые красавцы в брюках и рубашках, а не прыщавые постшкольники с идиотским пушком. Такие в иной обстановке вполне сойдут за нормальных клерков или даже юристов. В основном поджарые брюнеты от двадцати до сорока лет. Есть за что зацепиться женскому глазу.

«Такой сервис одобряем», – жеманно улыбнулась про себя Жанна.

Пока пила кофе, пробила в гугл-картах ближайшие рестораны. Остановила выбор на Маю из-за бомбического вида на собор. Фотки, оставленные волонтерами гугла, обещали незабываемую красоту, меню – муки выбора, а описание на гуглокартах – максимальную толерантность персонала к интимным причудам клиентов.

«Вот интересно, – подумала Жанна, – у тебя ориентация на лбу написана? Как они, официанты, хостес и бармены, будут ее определять? По одежде? Но большинство представителей ЛГБТ одеваются обычно. Более того, итальянские бабники очень часто выхаживают такими щеголями, что в православном Мордоре к ним давно бы возникли вопросы. В паспорте, в графе «сех» тех, с кем он происходит, пока не указывают. Так что же, на входе опросничек заполнять? Но зачем? Неужели нельзя просто поесть пасту на крыше шедевра архитектуры, любясь монументальным храмом как представитель племени человеческого? Без дальнейшего ковыряния в личности. К чему все эти френд-пляски? Ах, да, маркетинг...».

Пока размышляла, подошел официант. Рассчитались быстро и без сантиментов.

Кафешка оставила Жанне неприятное послевкусие обманутых ожиданий – обслужили вежливо, но сухо. Неужели ее так помяло перелетом? Где же хваленое итальянское волочение за каждой юбкой? Не иначе, выдрессированы господа официанты, во избежание исков о домогательствах. Никаких тебе улыбочек, никакого флирта. Кофе – это серьезно. Особенно если речь о крупной компании. Тут Жанна, опять же, по опыту знала, что вырастая «из гаража», бизнес вместе с детством теряет львиную долю непринужденной атмосферы.

«М-да... – подумала Жанна, от досады слегка прикусив губу, – кофе хорош, сервис – безупречен, но в следующий раз поищем кофейню поживее. Приехать в Италию и не повертеть хвостом – это дурной тон. Так что без обид, господа...».

Оставив формальные, как отчет в налоговую, чаевые, она поднялась на крышу дома по соседству и тут же вспомнила, что нельзя просто так взять и пойти в ресторан на Пьяцца дель Дуомо пятничным вечером. Умные люди столик бронируют. Но Жанна русская, а это в некоторых случаях лучше, чем просто умная.

Будь она просто умная, заказала бы еду в номер отеля и преспокойно умяла ее среди многочисленных картин. Но в этом случае она не получила бы шанс поужинать на открытой террасе с роскошным видом и осознанием собственной везучести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.